

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

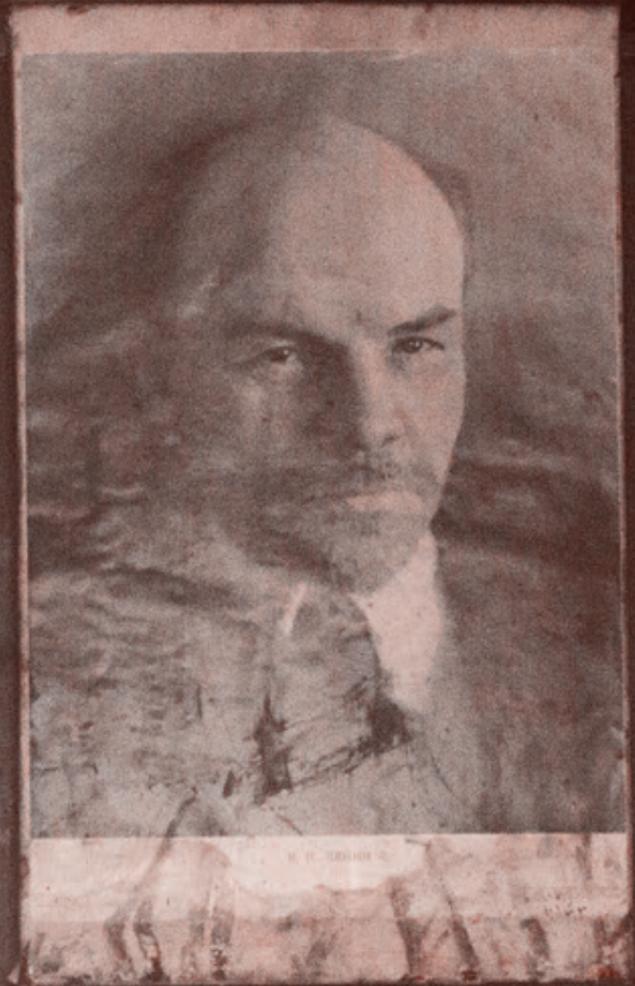
www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

26 июля 2017 г.

№ 237-238

*17 июля 2017 года исполнилось 3 года
миссии «Суть времени»
в Донецке*

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

1 7 1 4 7

>

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ВОЛЬГА

Бессменный глава миссии «Сути времени» в ДНР и военного крыла миссии. Прибыл в Донецк из России в июле 2014 года.

Три года в Донецке... Что-то помнится очень остро, как вчера, что-то подернулось дымкой. 2014 год. Щемящее беспокойство. Смотрю хронику. До конца оформляется понимание, что вот она, тьма. Вылезла. Жуткое ощущение — особенно после Одессы, Мариуполя и «сдувшегося» Харькова, что всё сведется сейчас к бессильному сотрясанию воздуха, что не будет ответного действия. Огромная надежда на Славянск как на точку сборки, кристаллизации.

Начало

Сергей Ервандович — человек, не терпящий бессилия, не приемлющий отстраненности. Летом 2014 года я не в первый раз стал свидетелем, как стремительно он начинает действовать тогда, когда промедление смерти подобно. Принимает решение — и сразу, без какого-либо зазора, переходит к реализации этого решения.

Сначала был сбор ребят из украинских ячеек «Сути времени» в Ростове. Разговор состоялся жесткий и конкретный. Кургинян, изложив свое видение ситуации, спросил ребят: «Ваша позиция? Что делаем?» Ребята не сдулись — собрались и приехали из разных городов Украины в Донецк.

Я познакомился с ними в самом начале июля 2014 года, когда мне посчастливилось сопровождать Сергея Ервандовича в его поездке в Донбасс. Ребята пришли на встречу с ним аморфной стайкой. Приятно удивило, что при некоторой растерянности, детскости, что ли, не было отчаяния, испуга и т. п. Конечно, очень многого они не понимали, не представляли себе, с чем придется столкнуться. Ну и что? Не боги горшки обжигают!

Формирование миссии «Сути времени» в ДНР проходило на фоне жесткого конфликта с проектом «Стрелков». Атмосфера была недружественной. Всё усугублялось еще и общей растерянностью повстанческого движения. Позиция России ассоциировалась со Стрелковым и Бородаем. Неожиданный свал Стрелкова из Славянска и попытка оформить сдачу Донецка внесли такую смуту в головы местных лидеров сопротивления, что они были близки к отчаянию. К их чести следует сказать, что, находясь на грани отчаяния, думая, что поддержки ждать неоткуда, они даже мысли не допускали о том, чтобы сложить оружие. Они просто готовились к обороне, готовились стоять до конца. Это факт: я это видел.

В ночь с 5 на 6 июля, если мне не изменяет память, на территории 5-й базы батальона «Восток» (до войны здесь было училище ГАИ МВД Украины) собрались лидеры Донецкого сопротивления Александр Захарченко (Захар), Александр Ходаковский (Скиф), Алексей Дикий (ныне министр внутренних дел ДНР), Сергей Кургинян. Я был молчаливым свидетелем этой встречи. То, что я увидел, не забуду никогда. При всей растерянности лидеров, вызванной непонятными маневрами Стрелкова и приказом оставить Донецк, было видно, что они не боятся. Единогласно решили: Донецк не сдадим, будем держать оборону. От сердца отлегло. Конечно, в полный рост встали вопросы организации обороны и много еще какие. Но главное — стало понятно, что бой — будет. Да, сопротивление пока плохо организовано, но всё же организовано, да, вооружение

Вольга. ОБСнН ДНР. 9 мая 2017 г.

пока не ахти, но всё же есть несколько единиц артиллерии и техники. Бой будет, а там поглядим.

Немалую сложность в формировании миссии СВ в Донецке внесли поступки двух людей из харьковской СВ, до сих пор мне не понятные.

Один из этих людей — Алексей Самойлов, вроде взрослый дядька, преподаватель вуза МВД в Харькове. Он планировался как руководитель миссии СВ ДНР. Будучи засвеченным (он появлялся в коридорах Народного Совета ДНР, работал над принятием законов молодой республики) и готовясь возглавить нашу миссию, Самойлов вдруг, никого не предупредив, поехал в Харьков и там был арестован СБУ. Впоследствии я нередко сталкивался со странными поступками вроде бы взрослых людей. Но этот поступок мне запомнился как пример чудовищно безответственного отношения к делу.

Второй человек — Антон Гурьянов. Этот, приехав в Донецк, вообще отпрыгнул от организации. На фоне конфликта

со Стрелковым и ввиду замаячивших перед ним, не связанных с СВ политических перспектив он решил, что лучше держаться от нас подальше.

Итак, формирование и развертывание миссии «Сути времени» в Донецке началось, во-первых, в не самой дружественной атмосфере. Люди, ожидания которых были связаны со Стрелковым, еще не поняли (точнее, отказывались в тот момент понять), какую катастрофическую ситуацию он создал для Донецка, оставив Славянск. И их задевало и раздражало, что какие-то непонятные люди (сначала сам Кургинян, а затем еще и сутевцы) публично хихвостили их героя. А во-вторых, на это наложился кадровый вопрос: два упомянутые мною человека были хоть в какой-то мере известны Кургиняну и Политцентру СВ, и на них делалась определенная ставка, а они отвалились.

Но «с нашим атаманом не приходится тужить». Любые сложности Сергей Ервандович воспринимает как вызов. Этому по мере сил мы у него учимся. Он еще раз

спросил: «Готовы?» — ребята ответили: «Да». Он сказал: «Егор у вас за старшего, вперед!» Оговорили первые этапы наших действий, направления работы, которые необходимо развернуть.

В ночь перед отъездом Сергей Ервандович, сидя со мной на кухне, тезисно, без лишнего пафоса (впрочем, как и всегда), ставил мне задачу, еще раз проговаривал основные пункты плана по развертыванию миссии и организации направлений деятельности. Помню его хлопок по плечу и слова: «Я в тебя верю». Трудно передать и обстановку, и то, какое действие произвели эти слова, но они для меня как путеводная нить.

На следующее утро поехали на границу провожать Сергея Ервандовича. На самом деле, ситуации, возникшие при переходе его через ленточку в Донецк и обратно, заслуживают отдельного рассказа. Возможно, он сам расскажет о них когда-нибудь. Скажу только, что дорога от ленточки до Донецка и обратно была очень опасной в 2014 году.

Утром 17 июля 2014 года сутевцы притихшей стайкой в 20 человек зашли через КПШ на 4-ю базу «Востока». Немного неуверенно, озираясь на муравейник ополчения, ребята шли за мной, минуя плац, отдельно стоящий домик штаба, в сторону рембазы. Нам выделили на временное размещение ангар (автомобильный бокс). Там было пыльно, душно, сыро, углы схвачены зеленоватой плесенью, полноценные койки отсутствовали, свет был неяркий, вдоль стен лежала промасленная ветошь. По всему ангару валялись различные металлические детали и инструмент, вышедший из строя.

Не прошло и трех часов — ангар преобразился. Со свалки притащили дверцы от шкафов, положили их на ящики из-под БК (боекомплекта), соорудили стол, вынесли мусор, открыли ворота и проветрили помещение, пыль вымели и прибили влажными тряпками к полу. Доработали электропроводку, раздобыли чайник. Самое ценное (помимо возможности жить хоть в сколько-то человеческих условиях) — то, что ребята сделали это с энтузиазмом, без команды, самоорганизовавшись. Начало было положено.

Первое время ребята выглядели в окружении ополченцев очень контрастно. Много было комических случаев. К примеру, разговор ополченца с сутевцем.

Штурм Пантелеймоновки. Осень 2014 г.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

Ополченец:
— А вы кто и чем тут заниматься будете?

Сутевец:
— Понимаешь, общий кризис нашей цивилизации привел к тому, что такие страшные анахронизмы, как бандеровщина и фашизм, подняли голову. Эта война — лишь видимая часть происходящего, существует еще «софт пауэр» — мягкие войны. Вот мы — специалисты по противодействию «софт пауэр», понимаешь?

Ополченец:
— А, понятно...
Через час этот же ополченец в курилке рассказывает другим ополченцам: «Слышали? Москва к нам прислала специалистов по новым системам — какие-то софт пауэр, очень мощные системы, укропам кирдык теперь...»

Постепенно систематизировалась работа по направлениям. Первым и долгое время основным направлением деятельности миссии была информационная работа. Постепенно к ней добавилась гуманитарная деятельность. Создавая миссию, мы не планировали формировать военное подразделение. Однако ситуация развивалась таким образом, что нам пришлось взять в руки оружие.

Август 2014-го — май 2015 года

Для большинства членов миссии этот этап останется, наверное, самым запомнившимся. Это связано с драматичностью ситуации вокруг Донецка, и с нашим посильным участием в изменении этой ситуации, и с динамичностью развертывания всех без исключения направлений деятельности миссии, и с пониманием острой востребованности нашей деятельности и на Донбассе, и в России. Сказывалась также новизна. Было зримо опасно. Все ходило под топором, попадали под обстрелы, ели, что придется, спали нерегулярно.

Этот этап — приобретение навыков, уверенности в себе. Приобретение друзей, товарищей, сослуживцев. Горькие потери. Смерть и разрушение. Уверенность, что выстоим, что любые жертвы — они не зря.

Май 2015-го — декабрь 2016 года

Этап переходный. Еще остро ощущалось то братство, которое, как огромная волна, подхватило нас и понесло вперед, к котлам, победам. Да, через испытания и потери — но зримо вперед. Уже приходило понимание, что просто энтузиазма и энергии недостаточно. Нужно прыгать выше головы. Становиться военными, становиться специалистами по информационной работе. Расширять и увеличивать масштаб направлений. Рассказывать России и миру, что тут происходит. Разъяснять тут, на месте, чего нам ждать и что нам делать. Строить республику, понимая, что одним (но не единственным, далеко не единственным!) из основных объектов строительства должна стать профессиональная армия.

На этом этапе миссия не столько расширила направления деятельности, сколько углубила существующие направления. Ребята, занимающиеся видео- и фотосъемкой, повысили профессиональный уровень. Участники миссии включились в работу Школы высших смыслов и в другую работу «Сути времени» на Большой земле. Мы никогда не ощущали миссию СВ ДНР самостоятельной единицей, это кровь от крови и плоть от плоти единой большой организации. Пусть тут есть своя специфика, диктуемая особенностью региона и тем, что здесь идет война. Но вся деятельность миссии неотделима от деятельности на-

шей организации. Да и невозможна она без большой и единой организации.

Специфика военного направления миссии на этом этапе была тесно связана с 1 ОБСпН (Отдельным батальоном специального назначения) — то есть со специальными и разведывательными операциями. Опять приобретение знаний и навыков, новые люди. Опять война, грязь, кровь, потери, горечь и гордость, поражения и победы. Окружающий фон меняется. В России падает острота интереса к Донбассу. Очень многие «спринтеры», ополченцы и добровольцы, сходят с дистанции. В народе Донбасса нарастает усталость. Ситуация духоподъемности сменяется местами обидой и разочарованием.

Нет яркости начального этапа. Но, к счастью, у ребят из миссии есть понимание нужности их работы, точнее даже, есть вера в нужность. Сильно поддерживает и укрепляет память и связь с нашими погибшими. Спасибо им огромное еще и за это!

Ситуация на фронте и вокруг Минских соглашений очень вязкая — шаг вперед, два назад. Нам в каком-то смысле проще — мы понимаем, что происходит, почему и зачем. Многим из тех, кто вокруг нас, трудно. Но это же и привлекает к нам людей. У миссии проявляются те черты, которые привлекают людей к «Сути времени» и в России, и на Украине, и в мире: сплоченность, уверенность, понимание происходящего, честность в отношениях между собой, светлость этих отношений. К этому добавилась со временем компетентность — компетентность в военной сфере, куда мы изначально, создавая миссию, не стремились.

Этот этап — этап силы, настоящей, когда надо раскорячиться и держать удар. А еще это этап осознания сложности, неспешности и историчности процессов, в которые мы вовлечены. Причем, что самое главное, вовлечены не как щепки в бурный поток. Правильнее будет сказать, что мы сознательно вошли в эти процессы и сознательно в них участвуем.

Январь 2017-го — июль 2017 года

Сложный этап. В горячих точках затяжная ситуация «ни войны ни мира» — всегда сложная. Жизнь иногда приобретает фантастические черты. Сжимаем зубы, держим удар. Нельзя ни устать, ни озлобиться, иначе обесценишь пройденный путь.

За это время состав миссии изменился. Влились новые люди. А кто-то из старого состава, наоборот, покинул наши ряды.

Вышел из миссии, и из «Сути времени» Фельдшер. Идет теперь своей, отдельной от нас, дорогой.

Мы расстались с Чекистом, выведя его и из миссии, и из СВ.

Ушел из миссии, но остался в СВ Лом. Отошли от миссии и СВ Рыбак и Литейщик. У каждого своя причина. Почеловечески понятно. И всё же... Это потери, пусть и не боевые.

Продолжают гибнуть наши товарищи. Это горькие потери. Но они, погибшие с честью, делают нашу победу неминуемой. Так будет!

Что дальше? Дальше жизнь, наполненная смыслом. Война, которой не видно конца. Почему-то уверен, что Донбасс — не единственная горячая и кровавая точка. Предательство самих себя, которое совершили народы СССР, просто так не расщелется. Нам предстоит трудный путь.

Наша организация строится, укрепляется, уплотняется, набирая силы. И мы растем вместе с ней. Впереди — преобразование миссии. Какой она будет — зависит от усилий, которые мы вложим сейчас в этот процесс.

До встречи в СССР!

МАРС

Марс приехал в Донецк из Киева вместе с другими членами ячейки им. Чапаева в июле 2014 года. Душа военного крыла миссии, уровень его военного мастерства отмечается всеми, кто его знает. При этом философский склад ума Марса и его высокая эрудиция позволяют ему писать интересные статьи и комментарии, общаться с самыми разными людьми — молодежью, пенсионерами, военными.

Все началось 2 мая 2014 года. На следующее утро, когда я отправился в магазин за сигаретами и кофе, мне было странно видеть окружающих, которые вели себя, как ни в чем не бывало. Оставалась слабая надежда: может быть, они еще не знают? Но прошло 3 мая, за ним 4 мая, и выяснилось, что они не хотят знать. Выяснилось, что подавляющее большинство моих тогдашних друзей и знакомых просто не хотят знать, что они живут уже в другом государстве: в государстве, в котором можно устроить массовую бойню прямо в центре столицы и «повесить» ее на силовиков, до последнего выполнявших свои конституционные обязанности, в государстве, в котором можно назвать часть своих сограждан «колорадами», как бы расчеловечивая их, чтобы затем безнаказанно сжечь их живьем.

Мои знакомые, активно участвовавшие в майдане, говорили мне, что это не преступление, а проявление народного гнева, что, мол, конечно, насилие — это плохо, но зато мы заживем наконец-то в счастливом правовом государстве, что «беспорядки» на Донбассе закончатся быстро, максимум через 2–3 месяца и т. д. Я им отвечал, что все они — государственные преступники, уничтожающие свою страну; что они развязали беспредел и, слава богу, что есть Донбасс, этот беспредел не приемлющий; что, по моим ощущениям, на остановку этого беспредела и нейтрализацию его последствий уйдет лет десять как минимум; что их решение надеть себя правом убивать тех своих сограждан, кто не разделяет их ценности и взгляды, монопольно — будет ответка, и я в этой ответке приму участие.

Так я приехал на Донбасс. Если бы поднялся не Донбасс, а какой-то другой регион Украины, я поехал бы туда, но поднялся именно Донбасс — край моего детства.

В начале девяностых годов, болезненно переживая крушение советских смыслов и ежедневную мутацию родного Киева, мама как-то раз задумчиво сказала мне, что на Донбассе живут другие люди — что они лучше. Я тогда не понял: почему? в чем они другие? чем они лучше? Я там прожил много времени и особой разницы не заметил. Но жизнь показала, что мама была права: люди здесь действительно другие — они с внутренним стержнем. Конечно, здесь много обывателей и свойственного им мешчанского жлобства. Хватает и откровенной падали, бросившей своих кровных детей под обстрелами и растворившейся где-то в мире. Но лицо сопротивления оформляли не они, а простые, чисто конкретные, жестоковывные мужчины и женщины.

Я никогда не забуду выражение глаз и отточенность жестов грациозной женщины-санструктора с позывным Искра, которая учила нас летом 2014 года на занятии по военно-медицинской подготовке накладывать жгуты и перевязочные пакеты. Следующее занятие Искра назначила

на послезавтра. Но послезавтра для нее не случилось. Она погибла на следующий день под Песками, эвакуируя раненых.

Я помню, как безошибочно по выражению глаз определяли друг друга вернувшиеся из разных точек «передка» незнакомые люди и как произносится это естественное и искреннее местное обращение к незнакомому — «братик».

Как изменили меня эти годы? Я стал значительно лучше стрелять. Давно исчезли иллюзии относительно того, что, мол, ВСУшники — это люди подневольные, а вот правосеки — это да! В ноябре 2016 года в одном из поселков серой зоны около Донецка они убили и отрезали головы пожилой супружеской чете прямо в их доме. И мне всё равно, чья именно ДРГ это сделала, я их сортировать не собираюсь. Это псы ада, ускоренными темпами строящие ад для своего потомства и волокущие этот свой ад сюда. Поэтому я по-прежнему буду лечить их свинцовыми примочками.

Как изменился Донецк? Бурлящее живое людское варево остыло и разбавилось осторожными людьми, вернувшись из тех мест, где они переживали «ужасы войны». Это — загадочные люди, я их не понимаю. Я не понимаю, в чем состоит оправдание их жизнью. Единственная моя надежда, связанная с ними, состоит в том, что, может быть, их дети станут гражданами во всей полноте этого слова, включающего в себя право и обязанность защищать свои убеждения путем вооруженной борьбы после того, как структуры, обязанные защищать государство, уже обесточены, и страна катится в хаос.

Что сказать о будущем?

Что я буду работать над тем, чтобы остановить деградацию моего народа, приведшую к гражданской войне. Буду работать, чтобы покарать виновных в организации тихого геноцида украинского народа, представителем которого я являюсь. Я буду делать это потому, что меня оскорбляет нынешнее положение вещей, при котором люди, построившие локомотивы современной украинской экономики и всю социальную инфраструктуру, поставлены в социальном плане за грань выживания и вынуждены в этом состоянии повторять заклинания бандеровской пропаганды.

Я хочу построить такое государство, в котором будут проявлены все лучшие качества украинского народа, где будут созданы институты и предприятия, разрабатывающие и внедряющие прорывные технологии XXI и XXII веков, когда представители Украины станут участниками космических экспедиций и открытий. Но всё это станет возможным только тогда, когда народ расплется с нынешней навязанной ему извне жлобской карикатурной шароварщиной и всмотрится, наконец, в собственную великую и трагическую историю. Нащупает и увидит смысловую и ценностную связь между ныне живущими и ушедшими поколениями. Поймет, что сейчас его уже привели на убой — прямо к лакированному, блестящему еврогробу. Поймет и отвернет. И в этом я ему помогу.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

АЛТАЙ

Алтай приехал из Киева в августе 2014 года. Активно включился в деятельность информационного центра. Благодаря своей работе корреспондента, он знаком сегодня множеству людей в ДНР, ЛНР и России. Алтай молод, он не стоит на месте, все товарищи отмечают его профессиональный и человеческий рост.

Подбивая итоги пройденного за эти три года пути, не хочется всё сводить к сухой хронологии событий или перечню достижений. Об этом сказано и написано уже немало. Спустя три года войны, борьбы и труда хочется поговорить о человеке. Вернее, о преобразующей силе войны, борьбы и труда.

Война классическая — страшная, некрасивая и грубая — никогда не проходит бесследно. Она словно ледяной водой обдаёт человека, оказавшегося на линии фронта, смывает с него илистый слой «нормальной современной жизни», оголяет весь рельеф его личности, открывает все впадины и выпуклости. Всё проверяется на прочность: характер человека, сила его убеждений, готовность следовать своим принципам.

Именно это свойство войны мы испытали на себе летом 2014-го, приехав по призыву Сергея Ервандовича в Донецк. Многие навыки и знания, приобретенные в прошлой мирной жизни, поведенческие роли, привитые городским бытом, здесь оказались бесполезны. У нас было твердое желание наверстать упущенное время, научиться тому, что поможет любым способом бить гада. Освоить военную науку, погрузиться в тонкости информационной войны.

Мне хорошо запомнились слова Сергея Ервандовича, произнесенные им на одной из встреч в Ростове: «В современной войне информационный фронт важен не меньше, чем фронт классический. Если вы сожгли танк, и это никто не снял — считайте, что его не сожгли». Эти слова я вспоминал в минуты сомнений и соблазнов перейти в боевую часть отряда.

Сегодня инициатива на информационном фронте на стороне противника. Вражеские СМИ снимают постановочные видео протестов, штурмов городов и химических атак. В мире постмодерна хорошо снятая постановка может повлиять на ход событий больше, чем реальное положение вещей. Но игра на поле постмодерна заведомо обречена на провал. Именно поэтому нужно первым добраться до места, снять обстановку и донести правду до людей.

Один из примеров нашего эффективного противодействия таким вбросам — репортаж о неудачной попытке ВСУ прорвать позиции «Востока» в районе «Вольво-центра» в Пасхальное воскресенье 2015-го. Наше видео было ответом, подавившим слухи, распускаемые нацистским ресурсом «Спутник и погром», о прорыве бандеровцев в Донецк и бегстве «Востока» с позиций. Власовцы были вынуждены заткнуться.

Все эти три года мы жили войной. Как и весь Донбасс, мы постоянно готовились к наступлению ВСУ, радовались победам и скорбели, переживая утраты. И всё это время росла пропасть между нами и нашим прошлым миром. Большая часть моего довоенного окружения — приятели и коллеги — оказались совершенно чужими, не понимающими меня людьми.

Но войне свойственно не только отдалять людей, но и сближать, ломать барьеры атомизированного общества, создавать плотные коллективы. Нам, сутевцам, при-

Алтай в разрушенной больнице

ехавшим из разных городов Украины, удалось сформировать такой коллектив. Постоянное чувство опасности, совместный труд и быт, общая мечта и жажда красного реванша, гибель соратников сплотили нас, сделали товарищами и братьями.

Война на Донбассе, привлекающая антифашистов со всего мира, рождает ощущение причастности к большому интернациональному делу, от исхода которого зависит судьба всего мира. За эти три года я познакомился с коммунистами из США, Колумбии, Испании, Германии, Италии, Индии, Болгарии, Польши, Финляндии. В большинстве своем это самоотверженные идейные люди, покинувшие свои родные места в поисках надежды на другую жизнь. И многие здесь эту жизнь обрели.

Но главное, на мой взгляд, что приносит война, — она остро ставит вопрос о смысле. Вопрос, который в мирной жизни всеми привычно отодвигается «на потом», в военное время приобретает критически важное, решающее значение. Ведь погибающие рядом товарищи не могли уйти бессмысленно. Если я не отвечу на вопрос, за что погибли Пятница, Болгарин, Белка, Сыч, Алис, Альпинист, Сухарь, Кош и Двойка, то и моя жизнь лишена смысла.

Еще до войны я знал о существовании афганского и вьетнамского синдромов, но суть этих явлений мне до конца ясна не была. Подавляющее большинство людей, прошедших через войну, не могут вер-

нуться к мирному быту, социализироваться и жить так, как будто войны не было. И вопрос, мне кажется, не столько в психологических травмах, полученных в зоне боевых действий (хотя и это тоже), сколько в нежелании возвращаться в бессмысленный и безысходный «мир квадратных форм».

Эту проблему прекрасно описал Эрих Мария Ремарк в книге «На Западном фронте без перемен»: «И даже если бы нам разрешили вернуться в те места, где прошла наша юность, мы, наверно, не знали бы, что нам там делать. Те тайные силы, которые чуть заметными токами текли от них к нам, уже нельзя воскресить. Вокруг нас были бы те же виды, мы бродили бы по тем же местам; мы с любовью узнавали бы их и были бы растроганы, увидев их вновь. Но мы испытали бы то же самое чувство, которое испытываешь, задумавшись над фотографией убитого товарища: это его черты, это его лицо, и пережитые вместе с ним дни приобретают в памяти обманчивую видимость настоящей жизни, но все-таки это не он сам».

Я не мог понять эти строки ранее, но теперь они мне близки. При всех ужасах войны, я понимаю, что возвращение в ту довоенную жизнь просто невозможно.

Снимая репортажи, мне приходилось общаться со многими бойцами, и в ходе интервью я часто задавал один и тот же

вопрос: «Что вы будете делать после войны?» Если в 2014–2015 годах большинство опрошенных уверено отвечали, что они вернутся на свои рабочие места, на шахты и заводы, то в 2016–2017 годах этот вопрос уже заставлял их задуматься. Лица бойцов сразу наполнялись тоской, тускнели и грустнели. Пускай и неосознанно, но каждый из них понимает, что окончание войны вернет их к бессмысленному прозябанию и дооформит пропасть между ними и мертвыми товарищами, которые на этой войне остались навечно.

*До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесоворотно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.*

Я не пытаюсь воспевать войну, уносящую жизни, калечащую судьбы. Моя мысль заключается в том, что война, хотим мы этого или нет, неизбежно нас меняет.

Если развивать эту тему далее, мне кажется, что наиважнейшие потрясения, пережитые человечеством, являются следствием «послевоенных травм». Приход нацистов в Германии — ответ немцев на шок Первой мировой. Так же, как и Великая Октябрьская социалистическая революция в какой-то мере явилась ответом русских на Первую мировую. Затем, разгромив фашистскую Германию в 1945-м, наши предки не ответили на этот вызов до конца, что впоследствии привело к краху СССР и, в конечном итоге, к сегодняшнему кровопролитию на Донбассе.

Безболезненный отказ от войны невозможен — человек либо ломается и заканчивает жизнь суицидом (сиюминутным или отложенным), либо переводит войну в другое качество. Когда автоматы и артиллерия замолкают, должна начаться война ежедневной борьбы и труда на гуманитарных фронтах.

Миссии «Суть времени» на Донбассе три года. Коль судьба дала нам такое испытание войной, мы должны использовать эту возможность для преобразования самих себя, дооформления сверхплотного коллектива и определения окончательности того пути, которым мы пошли горячим летом 2014-го. И мы не имеем права эту возможность упускать. Не имеем права перед собой, предками и погибшими братьями. Только в этом есть смысл.

Так тяжкий млат, дробя стекло, куёт булат. Победа будет за нами!

Марш на Васильевку — Лебяжье. Осень 2014 г.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ПЕТЬКА

Петька

Петька — выходец из киевской ячейки им. Чапаева, которая внесла большой вклад в построение миссии СВ ДНР. Со дня основания миссии прямой и честный Петька был отмечен как хороший хозяйственник, как человек, который добросовестно выполняет все порученные ему дела. Душа компании. Работает на военном направлении.

Три года. Казалось бы, всего ничего. Но как много произошло за эти три года. Как поменялся облик и внутреннее содержание страны, городов, людей. Поменялся и я сам. Я уже не тот компьютерный мальчик-романтик, каким три года назад приехал в Донбасс. Что подвигло меня бросить работу, квартиру и такой привычно-комфортный образ жизни? «Комфорт» — как я сейчас ненавижу это слово! Как оно омерзительно звучит, когда вокруг тебя столько детей недоедает, когда столько семей живут под ежедневными обстрелами. Но для меня трехгодичной давности бросить всё — это был шаг.

Необходимость этого шага я осознал 2 мая 2014 года. События в Одессе стали точкой невозврата. Что-то в тот день бесповоротно изменилось во мне. Я будто прозрел. Увидел некогда любимый мною город Киев в новых красках. Эти краски были донельзя черны и ужасны. Люди, окружавшие меня на работе, улице, в транспорте казались уродливыми. Как они не видят происходящего? Как они могут быть такими равнодушными? Нет! Я так жить не могу!

Одновременно с этим осознанием пришло чувство растерянности. Что же делать? Как, собственно, жить дальше с этими новыми ощущениями? Потому что призыв Сергея Ервандовича Кургиняна к украинским сутевцам собраться в Донбассе — прозвучал как спасительная и долгожданная команда «Вперед!».

Я наивно полагал, что еду помогать и, как бы это пафосно ни звучало, спасать людей. На самом деле я спасался сам. Спасался не телом, а душой.

Незабываемы чувства, когда я ступил на перрон Донецкого вокзала и меня встретила добродушная улыбка Игорька-Болгарина. В чужом городе я ощутил себя как дома. Наконец-то на улице я могу в полный голос говорить с товарищами на волнующие нас темы!

Но очень скоро на смену этим инфантильным ощущениям пришла реальность в виде войны, такой чужой и непонятной и от этого еще более страшной. Внутренний ответ на ее «стук в дверь» был прост — действие. Главное — быть полезным. Полезным хоть чем-то: мытьем посуды и приготовлением пищи для бойцов, разгрузкой снарядов, агитацией на заводах и шахтах, да чем угодно, лишь бы действовать.

Такой ответ меня на какое-то время успокоил. Но это ответ незрелого романтического мальчика, а не мужчины, приехавшего на войну. Это осознание пришло ко мне однажды на сцене переполненного Дома культуры. Я стоял перед обычными жителями Донбасса, шахтерами и учителями, которые вынуждены были ежедневно прятаться в подвалах от обстрелов, призывая их взять в руки оружие. Вдруг подумалось: «Да какое я имею моральное право призывать людей умирать, не будучи с ними в одном строю? Не проливая свой пот и кровь?» Именно в тот миг где-то внутри меня зародилось решение взять в руки оружие. И когда стал вопрос о работе в боевой группе, я сделал выбор, не раздумывая.

На войне проявляются как самые низменные, так и самые лучшие стороны человека. Мне посчастливилось нести службу с настоящими людьми, бескорыстными и мужественными, настоящими мужчинами. На которых можно всегда рассчитывать. У которых хочется учиться. Командиры Вольга, Ирис, Пятница — люди, которым я безмерно благодарен за переданный мне бесценный опыт, связаны ли они с воинским искусством или с общечеловеческими нормами и принципами. Костя-Колочий — собирательный образ донбасского мужика: инженерно-грамотный, трудолюбивый и справедливый шахтер. Он один из первых, кто пополнил ряды Отдельной тактической группы «Суть времени». В начале нашего совместного боевого пути у нас были мелкие конфликты, связанные с моей излишней идеалистичностью, а также нетерпимостью к либеральным мифам, охаивающим Советский Союз. Он как-то сказал: «Петька — это всё мелочи, вот увидишь, мы с тобой еще будем друзьями». Сейчас я его заместитель, и мы вместе строим подразделение, дополняя и подстраховывая друг друга.

Аэропорт Донецка

Марс — товарищ из киевской ячейки им. Чапаева. Друг и брат. Он был всегда примером для меня. Потрясающе грамотный и глубокий человек. Будучи у него заместителем группы в Отдельном батальоне спецназначения «Хан», я многому научился.

Игорек-Болгарин... Я хотел бы так же научиться любить жизнь и заботиться о людях, как он. Надежда Александровна, мать Болгарина, не клянет ни «Суть времени», ни судьбу за случившееся с ее сыном. Она — настоящий образец солдатской матери. То, как она гордится своим сыном, с какой стойкостью переносит утрату, вызывает восхищение.

Юрий-Щука проходит реабилитацию после чудовищного ранения. Рвется назад в строй. Я хотел бы быть таким же целеустремленным и упертым, как он.

Много пота и крови пролито за эти три года. Много храбрых товарищей пало. Для меня особым испытанием было 18 февраля 2015 года, когда погибли Сыч и Алис. Не передать словами, что ты чувствуешь, когда гибнут люди, которые находятся под твоим командованием, за которых ты отвечаешь. Я был на грани слома. Голову не покидали мысли: если бы минутой раньше, если бы я их не отпустил, если бы, если бы, если бы...

Многое изменилось за эти годы. Некогда пустые улицы сегодня наполнились машинами и людьми. На дворе слышен детский смех. В пустующие дома и перекопанные минами огороды вернулась жизнь.

Я всё четче осознаю чудовищность и трудность ситуации. Но главное, как мне кажется, это осознание невероятной сложности выбранного пути. И своего несоответствия вызовам. Но вместе мы сможем, мы не имеем права не дать ответ на эти вызовы.

«Новый год по-домашнему». Болгарин второй справа. Зима 2014-2015 гг.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

КОТ

Кот — представитель одной из украинских ячеек, принимающий участие в жизни миссии с момента ее основания.

Десятки видеороликов — интервью, репортажей, фильмов, множество аналитических статей и информационных материалов — всё это заслуга Кота.

Три года назад, летом 2014 года, мы по призыву лидера «Сути времени» Сергея Ервандовича Кургиняна приехали в Донецк. Я не знал тогда, да и никто из нас не знал, что наш визит в Донецк затянется на несколько лет. Не очень отчетливо представлял я и то, что нас всех в Донецке ожидало. Но не ехать я не мог, и призыв нашего лидера я воспринял как отдушину, потому что к этому времени жизнь в том украинском городе, где я жил, становилась невыносимой.

То, что внутри мирной, даже немного расслабленной, жизни на Украине таится какая-то червоточина, я отметил давно, еще в начале 2000-х годов. Я никак не мог понять, почему подавляющее большинство граждан Украины, используя в повседневной жизни русский язык, всё время уверяет себя и окружающих в том, что их родной язык — украинский. Вся документация в той фирме, где я работал, велась на русском языке, все частные объявления, которые люди расклеивали на столбах и щитах, были на русском языке, люди использовали русский язык в домашней обстановке, но всё равно с каким-то непонятым ожесточением уверяли, что их родной язык — украинский. Даже те, кто поддерживал идею введения на Украине второго государственного языка, русского, объясняли это не тем, что русский язык для них дорог как одна из высших ценностей, а тем, что он просто удобен и привычен.

Знание украинского языка было для большинства каким-то тайным знанием, дававшим его обладателям ощущение преимущества перед теми, кто его не знал. Почти все с какой-то радостью и гордостью за свое превосходство реагировали на ошибки в использовании украинского языка теми, кто языком владел не в совершенстве. Возникало ощущение, что вся страна похотывала, слушая ломаный украинский Азарова, Януковича. Но сами граждане украинский язык не использовали. Было в этом что-то нездоровое.

Первый раз болезнь общества открыто проявилась в 2004 году, когда был первый майдан в Киеве. На площади Незалежности в центре Киева народу собралось много, но у очень многих жителей того города, где довелось жить мне, появился в эти дни какой-то нездоровый блеск в глазах, по улицам проносились автомобили, украшенные оранжевыми ленточками и флагами. Попытки поговорить, обсудить происходящее со своими приятелями, воспринимались ими с каким-то непонятым ожесточением, даже озлоблением.

Появилось и росло ощущение, что внутри внешне расслабленной, даже праздной страны таится какой-то монстр, что-то вроде того, что показан в голливудском фильме «Чужой». Становилось трудно дышать. Потом появился Кургинян, для меня его видеоролики были как веточка, протянутая тонущему в проруби. В моем городе возникла ячейка «Сути времени». Мы выступали на митингах, устраивали разные манифестации, вели диспуты, но меня не покидало чувство, что этот монстр растет и набирается сил, несмотря на наши потуги.

Кот

Я сейчас отчетливо вижу, что всё, что мы делали и считали борьбой, было на самом деле какой-то детской игрой, а чтобы справиться с монстром, нужно воевать — и воевать по-взрослому.

Для того чтобы понять это, осознать по-настоящему, что монстр этот угнездился не только в душах окружающих, но и в моей тоже, должен был случиться 2014 год, и нужно было приехать в Донецк.

Я помню ту радость, которая возникла в моей душе, когда, проехав через несколько укропских блокпостов, мы подъехали к границе ДНР. Нас встретили не так чтобы приветливо: разномастно одетые люди с автоматами, но мы смотрели не на них,

а на флаги, развевающиеся над бетонными блоками, перегорожившими дорогу. Это был родной красный флаг и трехцветный флаг ДНР. Мы приехали домой.

Но на самом деле дорога домой только начиналась. Задача состояла не в том, чтобы сбежать с территории, где жизнь становилась невыносимо неудобной, а перейти с территории мира и покоя на территорию войны. Только перейдя на эту территорию, можно надеяться победить монстра, который уже перестал прятаться под личиной благодущия и расслабленного наслаждения жизнью на Украине. И не только на Украине.

Приезд в Донецк был только первым этапом. На этом пути расставлена масса

Кот ведет репортаж

ловушек, из которых самой страшной является мысль: «Я сделал это, я прибыл — теперь можно расслабиться».

Большинство людей войны не хотят: здоровому человеку не нравится лишать жизни себе подобных, он не испытывает наслаждения, глядя на разорванные тела, зверски убитых стариков и детей, разрушенные строения. Большинство людей стремятся к миру и покою, желают счастья, понимая под этим получение максимума приятных переживаний и минимума неприятных. «Миру — мир» — было написано на популярных плакатах Советского Союза времен упадка.

Но часто даже не осознается, что стремление к так понимаемому счастью, стремление к покою — прямой путь к классической войне, полной крови и страданий. В нашем случае достаточно большой шаг — переезд в Донецк — оказался маленьким шагом с территории покоя на территорию войны. Войны, идущей не только в географическом пространстве, но и в пространстве души.

Нам очень повезло, что командиром нашей донецкой миссии «Сути времени» стал Вольга. Требовательный, жесткий командир, общение с которым далеко не всегда было приятно и уж никак не было поглаживанием по голове, он очень способствовал тому, чтобы мы, наконец, по-настоящему поняли, что переход на территорию войны — это и есть попадание в пространство духа, о котором так много говорил Сергей Кургинян.

В Донецке я вместе с группой товарищей занимался освещением кровавых событий, происходящих по вине киевской хунты. Мы снимали на видео, фотографировали, описывали на страницах интернета разрушения, гибель людей, мужество ополченцев. Перед глазами до сих пор стоят сожженные и разрушенные дома, разорванные в клочья человеческие тела, рыдающие и проклинаящие Порошенко люди, потерявшие близких. Снаряд системы залпового огня, взорвавшийся во дворе жилого дома и превративший тела двоих сидевших на лавочке молодых людей в кровавое месиво... Мина, разорвавшаяся в кроне дерева, возле которого стояла очередь получающих гуманитарную помощь, и убившая несколько человек из этой очереди... Эти картины никогда не уйдут из моей памяти, привыкнуть к этому невозможно.

В то время как мы, информационная часть миссии, делая репортажи, мотались по Донецкой республике, заглядывая и в соседнюю, Луганскую, нашим товарищам, выбравшим военное направление, пришлось принять участие в реальных боевостолкновениях с подразделениями армии киевского режима.

17 января 2015 года мы понесли первые потери, в боях в донецком аэропорту героически погибли трое наших товарищей: Пятница, Болгарин, Белка.

Мне выпала тяжкая участь — опознавать тела бесконечно близких нам людей в морге. Даже если я вдруг захочу, я никогда не смогу забыть вид тел друзей, лежавших вместе с другими погибшими ополченцами. Вчера еще живые и улыбающиеся ребята лежали передо мной бездыханные.

Пятница — добрый и умный молодой парень, талантливый и жесткий командир, с постоянной мягкой улыбкой на лице.

Болгарин — юноша с блестящим интеллектом, внешне мягкий, но обладающий железным стержнем внутри, неумолимо шедший к выбранной цели.

Белка — молчаливый, спокойный, постоянно сосредоточенный умелый воин.

Они ушли от нас и передали нам молчаливый наказ продолжить дело, за которое отдали свои жизни.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

КОНТРАБАС

Контрабас — один из членов донецкой ячейки «Суть времени». Принимал участие во всех ключевых событиях, связанных с образованием ДНР. После образования миссии вступил в батальон «Восток». Обладая академическим складом ума и железной волей, Контрабас в считанные месяцы стал одним из наиболее квалифицированных артиллеристов. Подготовил большое количество артиллерийских расчетов. В свободное от службы время ведет активную общественную деятельность в рамках миссии.

«Суть времени» появилась в Донецке достаточно давно, еще в 2012 году. Ребята, так называемый первый состав, ездили на митинг на ВДНХ. Но серьезности, окончательно, понимания огромности вызова и задач, стоящих перед нами, не было. Все хотели что-то делать, но что? Жаркие споры на достаточно редких встречах, эпизодическая активность, обсуждения передач...

Но в ноябре 2013 года в Киеве начался майдан. Он почти сразу стал агрессивным. К нему подключилось большое количество криминалитета, нацистов, различных сумасшедших. События на Грушевского в прямом эфире крутили десятки телекомпаний, создавая эффект присутствия, и майдан рос.

Считаю необходимым сказать следующее. Историческое предательство собственной судьбы не прошло бесследным для всех народов бывшего Союза. Но на Украине это падение было усугублено активной работой зарубежной диаспоры и галицийскими потомками заплечных дел мастеров из ОУН-УПА (организация, деятельность которой запрещена в РФ), бандеровцами, мельниковцами, прочими. Во всех институтах общества взращивалась ненависть к советскому, русскому. Культуровывалась идея голодомора 1932–1933 годов, иррациональная, но очень жесткая и подлая. Уравнивались бойцы Красной Армии и вояки Бандеры и Шухевича. Недоверие и ненависть к прошлому, к собственной истории привели к тому, что часть населения потянулась к новому центру силы... Вот только этот центр силы горел черным нацистским огнем.

Противостоять нацистскому огню, поддержанному мощью госаппарата и спецслужб, активисты гражданских левых и пророссийских организаций не могли из-за собственной слабости, неуверенности в себе, из-за отношения к гражданской активности как к хобби вроде коллекционирования марок или вязания.

Донецкая СВ к зиме 2013–2014 года находилась в подобном состоянии. Ячейка была небольшой и очень слабой, занималась тем, что распространяла газету и смотрела передачи «Смысл игры», собираясь один-два раза в месяц. Уже в ноябре 2013 года для всех нас стал очевиден масштаб происходящих поистине тектонических процессов. В поисках ответа на новые вопросы огромного масштаба к нам потянулись люди. Только ответов мы тогда внутри себя не нашли, не создали связей и союзов. У нас не было значимого числа сторонников.

Началась война. Первые наши попытки «что-то делать» были почти беспомощны. В мае–июне 2014 года мы занимались работой в министерствах только-только созданной республики, написанием новостей,

Контрабас

информационными репортажами. Не хватало ни умения, ни соответствующей техники, ни правильной организации.

И только с развертыванием миссии СВ в Донецке, во время прорывов украинской армии через оборонительные линии ополчения, когда город могли сдать, — только тогда наша деятельность обрела смысл, внутреннее содержание и направленность. Началась активная работа по задачам из Центра. Началась напряженная учеба. Мы прошли курс молодого бойца на базе батальона «Восток» под руководством Чики и начали тренироваться каждый день. Тренировки Вольги были очень непростыми, но, как говорится, «тяжело в учении...» Наконец начались боевые будни, боевые тревоги, выходы на учебно-боевые, а потом и боевые задачи.

Отряд СВ возник как самостоятельная боевая единица к августу 2014 года. В сентябре 2014 года, когда батальон «Восток» предпринял дерзкую операцию — прорыв к Горловке вдоль трассы Донецк–Горловка, взвод сутевцев был придан танкистам нашего побратима Панциря, прикрывая и охраняя их от вражеских противотанкистов. Прорыв для операции такого масштаба — продвижение вдоль основной рокады на расстояние порядка 70 км, причем удар «Востока» и горловчан был встречный и согласованный, — оказался быстрым и относительно бескровным. Противник сам покинул свои позиции и отошел. Так стала свободной трасса, связывающая два самых больших города в республике, движение по ней продолжалось вплоть до начала 2016 года. И если про аэропорт написано достаточно много, то про этот прорыв почти ничего нет.

При создании отряда были заложены те принципы, которые остаются его сильными сторонами до сих пор: постоянная боевая подготовка, налаживание связи, коллективная форма ведения боевых действий, основанная на наблюдателях и развитой системе огня, контрольные зачеты по знанию своего оружия и техники. Отряд показал себя как успешное подразделение, прежде всего благодаря своим командирам: Вольге, Ирису, Пятнице, который погиб на «Трешке».

Не могу не сказать и про ребят, которые пришли в нам в отряд СВ и активно включились в работу.

Ирбис с Колючим — бывшие шахтеры, мастера на все руки, смелые, обстоятельные. Ирбис благодаря молодости горячий, но аккуратный, владеющий всеми видами стрелкового оружия. Колючий — постар-

ше, серьезный, но любящий хорошую шутку дядька — отец солдату, хозяйственный, очень похожий на собирательный образ старшего сержанта из советских фильмов о войне.

Альфонсо — ополченец, приехавший из Колумбии. Его взял под свое крыло знающий испанский язык Марс. В тот момент Альфонсо мог общаться только с ним. Альфонсо начал учиться разведке и снайперскому делу и скоро получил в качестве личного оружия СВД, что, поверьте, было нелегко. Сейчас Альфонсо разговаривает на русском очень неплохо, принял православие, женат, воспитывает сына.

Хобот и Буржуй — друзья не разлей вода, хотя Хобот из Донецка, а Буржуй из Москвы. Наша скромная техника оставалась на ходу благодаря их таланту и золотым рукам. Их бессонные ночи и длинные дни были посвящены таким же тренировкам, как и у остальных, только им приходилось еще и делать всевозможные ремонты машин, решая при этом миллион сопутствующих вопросов.

Колено — доброволец, приехавший с Урала со всем своим снаряжением, вплоть до каски. Он потратил на снаряжение все свои сбережения. Колено быстро стал моим вторым номером сначала на АГС, после — на тяжелом вооружении. Очень убежденный, молчаливый, работающий, способный в одиночку сделать то, что подчас не под силу троим. Усердно осваивал военную науку и работал на войне как на тяжелой, важной и нужной работе.

Фрол — закадычный друг Колена, родом из Москвы, очень выносливый и быстрый, смелый и решительный, легко схватывающий всё, что касается дела, работающий и при этом отличный командир, инструктор, душа компании.

Грек — молодой парень, которого мы получили из взвода АГС. Веселый и внимательный, изучавший всё, до чего дотянутся руки, которые у него растут из правильного места, человек, который может починить миномет и шить ножны для ножа, рассчитать огонь прикрывающей и провести разведку, нигде при этом не наравшись на вражеский сюрприз, постоянно думающий о товарищах и подчиненных.

Джама и Якут — оба молодые, оба боксеры, один из Макеевки, второй, как ни странно, из Якутии. Смелые, решительные бойцы, физически и духовно здоровые и выносливые.

Сова — старый воин, старый разведчик, остро любящий жизнь и потерявший на этой войне семью. Всегда неразлучный

с Электриком, особенно после подрыва Электрика на mine.

Щука и Руян. Если со Щукой мы вместе с 2014 года, то с Руяном я познакомился позже, но оба они грамотные специалисты и сильные личности. Будучи тяжелоранеными, они не сдались, продолжают воевать, каждый на своем фронте.

Щука — один из примеров тех чудес, что периодически происходили и происходят вокруг. Он получил свои тяжелейшие ранения на передовой, у него были разорваны две артерии, помимо всего прочего. Никто не ожидал, что он сможет доехать до больницы. Тем не менее он доехал, перенес массу сложнейших операций, не пал при этом духом и продолжает бороться за свое будущее. В этом его поддерживают жена и дочь, которые постоянно рядом, с самого начала.

Скажу хотя бы пару слов про тех, кто был с нами и погиб.

Болгарин — смелый и стойкий брат наш еще до войны, координатор ячейки СВ в Донецке.

Пятница, которого все любили и уважали и уважают до сих пор.

Белка, прибывший к нам из славянского ополчения, пулеметчик с боевым опытом, ходивший в атаке еще тогда, когда мы только начинали изучать АК-74. Хозяинственный, серьезный, молчаливый, он учился всё время, которое мог, и очень скучал по семье и родному городу.

Болгарин, Белка и Пятница легли рядом, в один и тот же день. Земля вам пухом, ребята.

Двойка, который погиб на южном участке фронта в разведке.

Сульфат и Рэм, погибшие в районе Донецка.

Скиф и Али, подорвавшиеся на вражеских фугасах.

Кош, совсем недавно погибший в разведке на севере ДНР...

Почти две сотни ребят пришли к нам в разное время, но описать каждого из них можно только в толстенной книге. Каждого поднял призыв Родины, зов справедливости, и ушли в неизвестность, где можно не пережить завтрашний день, где в любой момент можно стать инвалидом. У них не было и нет страха смерти, они хотят жить в прямом смысле ради жизни на земле.

А что же мы? Мы за эту войну сильно поменялись. Война высвечивает сильные и слабые стороны каждого беспощадным светом. Кто-то может справиться со слабостями и идти дальше, а кто-то нет. Кто-то ушел в свою жизнь, растворился в ней, а кто-то продолжает тянуть лямку — «за себя и за того парня».

Время показало, что каждый должен стать командиром, прежде всего для себя самого, поскольку самодисциплина — это важнейший залог успеха. Время также показало, что невозможно надеяться на добрых дядей из «прекрасного далека», даже при их наличии необходимо работать и работать, собираться, становиться старше, приобретать свой собственный опыт.

Я для себя за эти годы понял очень много нового и важного. Я увидел, что в одиночку невозможно добиться желаемого. Открыл другую, новую жизнь. Познакомился с огромным числом прекрасных людей, которые были рядом и в горе, и в радости. Я осознал, что такое люди и что такое командовать ими. Что такое быть лидером и что такое быть подчиненным. Кому-то я помог, кто-то помог мне. Мы осуществили много совместных задумок и продолжаем работать над осуществлением новых. Мы — потомки богатейшей, мы обязаны победить, и мы победим.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ИШИМ

Ишим до событий на майдане активно участвовал в жизни одной из украинских ячеек. В июле 2014 года прибыл в Донецк и влился в коллектив только что сформированной миссии. Занимается информационной работой. Помимо этого, Ишим — неутомимый и надежный водитель. Тысячи километров за рулем, доставка грузов в любое время и в любое место — всё это Ишим.

Пишу текст и вспоминаю, как три года тому назад прощался с женой и друзьями, с городом, в котором прожил почти сорок последних лет, с любимыми местами прогулок, родными улицами и бульварами. Я и двое моих товарищей из нашей ячейки приняли решение ехать на Донбасс, чтобы в составе миссии «Суть времени» участвовать в борьбе с бандеровским нацизмом.

К этому времени мой родной город наводнили толпы бандеровцев и майдануных инфантилов, мечтающих присоединиться к Европе на халяву. Уже свалили памятник Ленину, по ночным улицам двигались факельные шествия в честь Бандеры и Шухевича. Возникало ощущение, что город под оккупантами. Мы перестали публично проводить собрания ячейки и собирались друг у друга на квартирах. Обсуждали, что можно сделать и что каждый из нас собирается предпринять. Думали о формах нелегальной работы, но всё это было так зыбко, и, прямо скажем, нереально.

Поэтому когда прозвучал призыв Сергея Ервандовича к украинским сутевцам о создании в Донецке совместной украинской миссии нашего движения, для меня все сомнения были отброшены.

Надо ехать!

Но надо было решить ряд проблем связанных с работой, семьей и друзьями.

Работал я на производстве управляющим участком. Увольнять не хотели, требовали отработать хотя бы две недели. Не до того. Ушел без оформления, хлопнув дверью.

Надо ехать!

По моей семье прошли катком майдан и начавшаяся гражданская война. Жена, хоть и пассивно, но поддерживала майдан и категорически не хотела замечать бандеровскую сущность происходящего. На мое предложение о переезде последовал вполне предсказуемый категорический отказ.

Мои старенькие родители не могут понять, почему я не могу жить, как все. Вроде всё есть для спокойной жизни и старости. Жалко их, они хотят видеть рядом с собой своего сына.

Жалко и свою дочь, которая в возрасте 25 лет разумом представляет собой 10-летнего ребенка, инвалид второй группы. Она вообще ничего не понимает.

Но ведь у каждого из нас есть близкие, которых мы любим и жалеем. И есть долг перед своим народом, перед своими предками, воевавшими с нацизмом, который вновь возродился. Что ж, каждый делает свой выбор сам. Но иногда сделать выбор означает резать по живому.

Оставил денег жене и дочери — на первое время хватит, в последние годы я неплохо зарабатывал. Родителям сказал, что еду в Россию, чтобы им было спокойнее. С женой прощание было тягостным.

И всё же надо ехать! В путь!

В Донецк добрались без особых приключений, встречал нас товарищ Контрабас. Было это уже после бегства Стрелкова из Славянска, а именно 9 июля 2014 года.

На подвезде к монастырю

Через неделю меня и еще 19 моих товарищей сутевцев, приехавших со всей Украины, зачислили в состав батальона «Восток» (позже он станет бригадой).

Начались учебные занятия, которые с нами проводили опытные бойцы, уже успевшие повоевать за последние месяцы, но были также и инструкторы с довоенным стажем службы в армии, в том числе и советской. Именно таким инструктором был Медведь, который занимался с нами стрелковым оружием.

А командиром нашего учебного взвода был паренек 15 лет с позывным Ройс. У него был опыт, почерпнутый в военно-патриотическом кружке, а уже в бригаде его обучал командир учебной роты Чика, впоследствии наш добрый знакомый. Ройс, несмотря на возраст, уверенно передавал свои знания мне и моим товарищам, многие из которых автомат взяли впервые в своей жизни. Все мы беспрекословно подчинились ему.

Поселили наш учебный взвод в бывшем автомобильном ангаре, но дней через десять мы переехали в капитальное здание на второй этаж.

К этому времени наша миссия «Суть времени» уже занималась гуманитарной деятельностью, а также уже работал информационный центр. Я стал работать водителем в информационном центре «Суть времени», который располагался на территории «Восток», и совмещал свою деятельность со службой в пресс-центре «Восток».

Часто работали круглосуточно. Выезжали на места обстрелов и днем, и ночью. Во время поездок познакомились со многими интересными людьми, тесно сотрудничали с Грэммом Филиппсом, зачастую вместе выезжали на съемки, в том числе и в наше боевое подразделение.

В конце 2014 года к нам в боевой отряд «Суть времени» пришел наш американский друг и товарищ Техас. Он в составе

нашего отряда освобождал аэропорт, а потом вместе с отрядом перешел в батальон спецназа «Хан». Еще находясь на боевой службе, Техас много времени уделял информационной и агитационной работе вместе с нами. Он оказался талантливым агитатором и после ряда успешных роликов с его участием стал работать в нашем информационном центре.

Вместе с Техасом мы ездили по местам обстрелов, брали интервью на позициях у защитников Донбасса, рассказывали о праздниках и буднях ДНР. Теперь Техаса как корреспондента «Суть времени» узнают не только на улицах Донецка, но и в глубинке.

Еще в 2014 году мы начали проводить открытые уроки в школах Донецка и Макеевки. Позднее мы стали знакомиться с ребятами и их учителями и в других городах ДНР, участвуя в доставке гуманитарных грузов по проекту «Родительского Всероссийского Сопротивления» «Дети России — Детям Донбасса».

Помню, как в феврале 2015 года нас пригласили на праздничный концерт, посвященный Дню защитника Отечества, в школу в поселке Коммунар. Перед концертом директор школы рассказала нам, что в 2014 году, когда поселок был оккупирован украинскими войсками, в подвале школы нацгвардейцы устроили что-то вроде тюрьмы, где содержали пленных и гражданских лиц, показавшихся им подозрительными. А в здании самой школы разместили казарму. После освобождения поселка школу долго приводили в порядок, так как дети боялись заходить в здание, где содержали в заключении их родных и близких. Школа, превращенная украинскими нацистами в тюрьму... Я подумал тогда, что в этом есть что-то символическое.

За время работы в составе миссии всё свое свободное время я посвящал работе в социальных сетях. За прошедшие три года группа в «Одноклассниках», созданная еще в довоенное время, выросла до 60 тысяч участников и продолжает развиваться. Публикуем материалы нашего информационного центра, новости из «Красной Весны», организуем сбор средств для гуманитарного направления нашей миссии, в том числе и для оказания помощи нашим раненым товарищам. Надеюсь, что это хоть и небольшой, но всё же вклад в нашу будущую Победу.

Подходит к завершению уже третий год, как я и мои украинские товарищи по «Суть времени» приехали в Донецк, чтобы взять в руки оружие и защищать землю Донбасса от бандеровской нечисти. Приехали из Киева и Запорожья, из Днепропетровска и Николаева, Полтавы и Мариуполя. Все мы мечтали не только отстоять Донецк и Луганск, но и изгнать из родных нам городов нацистов, вернуть им их исторические имена и облик.

За эти три года мы почувствовали себя частью единого целого, научились решать общие задачи совместными усилиями. Для меня особенно важно, что мы научились понимать друг друга с полуслова. Продолжаем учиться ощущать ответственность друг перед другом и за весь коллектив в целом.

Погибли наши товарищи, многие получили ранения. Борьба не окончена. Нам еще предстоит многое сделать, чтобы вновь увидеть свои города, своих родных и близких людей, своих товарищей и друзей, оставшихся на территориях, подконтрольных бандеровцам. Мы знали, на что идем, и нет такой силы, которая бы нас могла остановить. Так будет.

Победа будет за нами!

Гуманитарный груз «Дети России — Детям Донбасса».

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

МАТРОС

Матрос — человек, стоявший у истоков донецкой ячейки «Суть времени». Принимал активнейшее участие в мероприятиях, связанных с образованием ДНР. Работая в миссии со дня ее основания, выбрал для себя военную стезю. На позиции «Монастырь» получил тяжелое ранение. После лечения вернулся в ряды армии ДНР.

Утром 17 июля 2014 года двадцать сутевцев, собравшихся из разных городов Украины, встретились недалеко от 4-й базы батальона «Восток», на которой нас уже ждали старшие товарищи. Пришли немного раньше указанного времени — нехорошо опаздывать на «первое свидание». Я предварительно взял на работе двухнедельный отпуск. Сказал руководству, что обязательно выйду из отпуска в срок, но они мне почему-то не сильно поверили и предусмотрительно отдали «незакрытую» трудовую книжку. Наверное, потому, что знали, каковы мои взгляды на происходящие события, да и ситуация в Донецке была нестабильная, многие производства и частные фирмы в спешке эвакуировались подальше от зоны боевых действий. Как вскоре выяснилось, руководство поступило предусмотрительно — мои размеренные трудовые на прежнем месте работы остались в прошлом.

Вид у нашей «двадцатки» был, мягко говоря, не военный: кто с сумками, кто с пакетами, у кого-то часть вещей просто в руках — все понимали, что в ближайшее время возможности попасть домой не будет, поэтому действовали по принципу «все свое беру с собой». Игорек (Болгарин) даже прихватил с собой из дому парочку пудовых гантелей — они нам потом на тренировках здорово пригодились. Одеты мы были разношерстно: кто-то в джинсах и рубашке, кто-то в спортивном костюме, а кто-то (как я, например) в шортах, футболке и шлепках — жарко, июль месяц.

Эта картина вызывала неподдельный интерес у проходящих мимо ополченцев, мне кажется, они не догадывались, что в скором времени мы будем стоять с ними в одном ряду. Честно говоря, мы и сами тогда об этом не сильно догадывались, и первые наши автоматы мы получили только через пару недель после захода на базу «Востока». А Отдельная тактическая группа «Суть времени» (ОТГ «СВ»)

Залегли перед марш-броском на Лебяжье

Тренировка ОТГ «Суть времени»

сложилась и приняла боевое крещение в сентябре-октябре 2014 года. Невозможно было без собственной «военной составляющей» оставаться в военизированном городе, к границам которого враг, задействуя артиллерию и танки, подходит всё ближе и ближе. Так миссия «Суть времени», помимо изначально обозначенных гуманитарного и информационного направлений работы, двинулась еще и по военной стезе.

Для меня психологически одним из самых сложных моментов как раз таки и было решение пойти по военному пути

и взять в руки автомат. Выбор этот надо было делать осознанно и добровольно. У меня как у гражданского человека было много переживаний по этому поводу, а так называемый военный романтизм улетучился сразу. Решиться на этот шаг исключительно по рациональным соображениям тоже было сложно: был и страх смерти, и привязанность к родным и близким людям. Но в такие моменты правильный выбор помогает сделать чувство долга.

А еще мне очень сложно было возвращаться на передовую после ранения. Помню, как первые две недели мой организм

на уровне рефлексов при звуке пролетающей мины или разрыва снаряда автоматически «сжимался», и я ничего не мог с этим сделать. В принципе, это нормальная реакция для мирного времени. Но на войне к этому обычно быстро адаптируешься, включаются защитные функции организма — не очень комфортно постоянно находиться в состоянии страха. И вот как раз в этот промежуток времени, когда я еще повторно не «акклиматизировался», Ирис задумал провести учебное занятие по корректировке огня автоматического гранатомета АГС-17 прямо на передовой. Поселок Веселое, февраль 2015 года, мины всё еще с завидной регулярностью прилетают по нашим позициям, но днем вроде бы установилась тишина и погода солнечная. Расчет АГС-17 стреляет в сторону противника, мы вышли на передний край в район диспетчерской вышки аэропорта и наблюдаем знаки разрывов гранат. Согласно заранее намеченным ориентирам, наводим наших гранатометчиков и по рации даем им поправки. Было нас человек восемь, и каждый должен был по очереди навести наш расчет АГС-17 на условную цель, отдать команду на открытие огня и скорректировать его. В общем, занятие не быстрое, и как только мы к нему приступили, укры, как назло, начали обкладывать поселок из 120-мм минометов. Мины ложились относительно далеко от нас, но зато пролетали прямо над нами, поэтому у меня было дикое желание закончить занятие побыстрее. А Ирис, видя, что я нервничаю, еще и подшучивал: «Не бойся, Матрос! Если прилетит к нам, то судьба наша такая».

Эти три года для всех нас были очень не простыми. Главное, что совместными усилиями достигнута первичная цель — народ Донбасса отстоял свое право на самоопределение и историческое родство с народом России, которое у него хотели отнять. Свой вклад внесла в это и вся «Суть времени» — если бы не было на протяжении трех лет той поддержки (духовной, гуманитарной, информационной, материальной и т.д.), которую нам оказывала вся организация, то и не было бы миссии «Суть времени» ДНР. Я благодарен всем, кто помогал нам пройти этот путь!

Сегодня перед нами стоят новые вызовы. Эти три года показали, что сложные задачи можно решать только сообща. Так что способность ответить на вызовы зависит от нашей сплоченности, целеустремленности и выдержки.

Наблюдение

Стрельба из АГС

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ПАМИР

Памир в миссии со дня ее основания. Одинаково хорошо владеет автоматом и персональным компьютером. Его активность и огромная работоспособность отмечаются всеми, он ведет клубы и обсуждения газеты, работает на гуманитарном и информационном направлениях.

Три года — это огромное время, значимый промежуток жизни, который требует и некоторого отчета о пройденном, и взгляда в будущее.

Вспоминая свою жизнь в далекое, навсегда ушедшее довоенное время, чувствуешь некоторую тоску о нем — было так много хороших друзей, добрых встреч, приятного мирного общения... Хотя всё это теплое гниение мира вокруг, по сути, и породило шашаб на майдане. Странное было время: с одной стороны — тревожное ожидание беды, наполнявшее воздух, с другой стороны — надежда на то, что «авось пронесет». Не пронесло.

Помогая в Киеве силовикам, которые «охраняли» майдан, я на многое насмотрелся. Происходящее походило на клубление сил ада, на хоровод бесов на Козьем Болоте (так называлось раньше место, где сейчас находится майдан Независимости). Озноб отворачивания вьелся в душу. Стойкий запах преисподней, смешавшийся с запахом горящих покрышек, чувствуется и через три года. Самое ужасное — это ощущение беспомощности, которое порождалось бездействием и даже предательством со стороны власти и сил, призванных защищать народ и страну. А сами мы не смогли ничего, оказались не готовы к происходящему.

После победы майдана расползание скверны — сначала от площади Независимости по всему городу, а после и по всей стране — ощущалось просто физически. Изменения в поведении окружающих начались еще во время самого майдана, но с его победой приобрели гротескные черты. Люди, которые еще вчера вели себя адекватно и трезво, превращались в агрессивных иррациональных истериков, ратующих за самые жесткие расправы с врагами «революции достоинства». Происходящее напоминало массовое помешательство.

Поначалу я еще пытался общаться с сослуживцами, пытался взывать к их рациональности, к их адекватности, и в то же время старался понять суть их доводов. Но их последним аргументом в споре часто становился выплеск агрессии. После произошедшего 2 мая массового сожжения людей в Одессе я с ужасом обнаружил, что среди тех, с кем я общался на работе, все оправдывали произошедшее! В основном происходило это с позиции «никто не знает, что там было, сами себя подожгли и теперь вот накручивают». Разговаривать с ними после этого было не о чем.

Когда прозвучал призыв Сергея Ервандовича ехать в Донбасс, передо мной встал этот выбор. После нескольких дней раздумий я понял, что у меня просто нет причин, по которым я мог бы остаться, — причин, в которые я сам мог бы поверить. Потому, осознавая и всю убедительность доводов Сергея Ервандовича, и всю безысходность ситуации в Киеве, я решил ехать. После чего начал закрывать свои дела, закрывать свои обязательства перед людьми, прощаться с родственниками, которых, как я понимал, долго не смогу теперь увидеть.

Диспетчерская вышка в аэропорту (позиция киборгов)

Лето 2014 года — это первые обстрелы города, воздушные тревоги, первые выезды на работы ближе к передовой, ночные дежурства и дневные наряды... Досада на то, что тебя отправляют на дежурство по кухне (тогда такие дежурства казались малоприятной обязанностью новобранцев), сейчас вспоминается с улыбкой. Как говорят товарищи, «эх, мне бы сейчас в наряд по кухне — отдохнул бы!»

Тогда время было сжатым, упругим. В чем-то это было хорошее время — всё было непонятно, ново и тревожно. Первые полгода, лето 2014-го — зима 2015-го, запечатлелись в памяти ярко и глубоко. Мы учились жить в новых, необычных обстоятельствах. Это сплывало и давало силы каждый день вставать и идти к не до конца еще понятным целям. Такое впечатление, что про этот период

можно написать целые тома воспоминаний. А вязкое время последующего периода — время «ни войны, ни мира» — оставило в памяти лишь несколько ярких моментов.

Что такое прошедшие три года? Были достижения. Были страшные и горькие утраты. Да, мы выжили, при помощи и наших руководителей, и всей организации. Но смогли ли мы победить? Нет! И очевидно, что победа даже еще не виднеется на горизонте.

Моей дочке уже исполнился год. Я смотрю сегодня на нее, в ее наполненные радостью свершающихся открытий глаза, и думаю о себе и обо всех нас, о прошлом, настоящем и будущем. Смотрю на наш пройденный путь: как много сделано, но как много возможностей было потеряно, увы! Как я был наивен три года назад, и в то же время сколько тогда было веры в победу.

Сейчас наивности стало меньше. Победа раньше была неким символом веры, не имеющим конкретных очертаний. Сейчас представление о том, что такое победа, гораздо более отчетливое. Есть ясное понимание, что вызовы умножились многократно с 2014 года, а наши возможности отвечать на эти вызовы едва ли увеличились на 50%. При этом я остро ощущаю, как некая скверна с нарастающей скоростью наползает на окружающий мир, усугубляет негативные процессы. И это наползающее отдает тем же смрадом преисподней, который исходил от майдана в Киеве.

Для меня это значит, что если мы будем идти тем же путем, в том же темпе, то в скором времени не сможем даже обеспечить собственное выживание, не говоря уже о возможности победоносно развернуться. Стать адекватными сегодняшним вызовам можно, только изменив себя и изменившись всем вместе. Без преодоления себя и своих ограничений не будет рывка, не будет создано то, что в нынешнем нашем состоянии создать невозможно. Нужно снова начать жить в сжатом времени, времени радостного преодоления и расширения себя — и мира вокруг себя. А это могут делать только сплоченные коллективы.

Таким коллективом нам и предстоит стать. Только так у нас появится возможность сказать заветное: «Время, вперед!»

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ОЛЯ

Оля — старожил донецкой ячейки, жена Контрабаса. Это она привела его в «Суть времени», она собрала в ячейку донецких сутевцев. Со дня основания миссии активно работает на гуманитарном направлении, участвует в организации и проведении общественных мероприятий СВ. Очень собранный и ответственный человек.

До войны у нас в Донецке была обычная периферийная зарубежная ячейка. Мы занимались деятельностью в рамках «Сути времени», выписывали газету, распространяли «Шаги Истории», но пытались остаться «при своих», не меняться, продолжали жить обычной мещанской жизнью. Сейчас я вспоминаю тот период как время упущенных возможностей. Мы говорили между собой, что война в ближайшее время будет, однако понимания серьезности вызова, ответственности за происходящее — не было.

Когда случился майдан и всё, что за ним последовало, уличная жизнь региона буквально взорвалась. Весна 2014-го — это взбудораженные массы народа и практически полное отсутствие центров организации. В то время на площадях разные люди собирали списки желающих «в ополчение». Активизировались все городские сумасшедшие, новосозданные министерства Народной Республики поначалу формировались прямо из них, а намеки на связь «с Москвой» оказывали поразительное воздействие на обалдевшую от творящегося в Киеве донецкую публику.

Десять-двадцать сплоченных, энергичных и смелых людей могли сделать очень многое в той ситуации. Жаль, что мы ими не были.

17 июля 2014 года украинские сутевцы, собравшиеся в Донецке по призыву Сергея Ервандовича, вошли в состав батальона «Восток». Так появилась миссия «Сути времени» в Донбассе.

Первые полгода — с 17 июля по 17 января, — по моим ощущениям, были очень насыщенными. Наши товарищи, вчерашние «ботаники», стремительно постигали военную науку, в том числе мой муж. Мы с еще несколькими донецкими ребятами остались на гражданке. Чем могли помогали: с гуманитаркой, были на подхвате, стирали вещи, навещали раненых.

Встречаясь иногда с Газетчиком, Матросом и другими ребятами, я удивлялась тому, как быстро они подтянулись, стали четче, собраннее.

Донецк опустел, мирные жители, напуганные прилетами в город вражеской артиллерии и слухами о скором наступлении ВСУ, в панике уезжали. После 5–6 вечера закрывались магазины, люди прятались по домам, только вооруженные ополченцы ездили по своим задачам.

Отряд СВ рос и развивался, сутевцы благодаря упорству и таланту командиров (Вольги, Ириса, Пятницы) постигали военную науку. Они получили боевое крещение при освобождении Пантелеймоновки, а в ноябре 2014 года зашли на позиции в донецком аэропорту. Я собирала передачки по списку, что мне диктовал Витя, заматывала скотчем и большими буквами писала сверху «Контрабасу», передавала с ребятами со стиральной одеждой. Когда первый раз после захода в аэропорт он приехал в увольнительную на пару дней, я увидела собранного, но очень грязного человека, у которого не было возможности раздеться и разуться три недели.

Из гражданских, кто по каким-то причинам не уехал подальше от войны, почти

Оля

все потеряли работу, пенсионерам перестали платить пенсию. Те, у кого не было денежных запасов, буквально голодали. У ополченцев тоже первые полгода-год денежного довольствия не было, кроме редких продуктовых наборов. Я слышала, что часто служащие из местных откладывали часть своего скудного пайка и приносили домой, чтоб подкормить домашних.

Той осенью и в начале зимы я помогала с доставкой гуманитарной помощи

от РВС в школу и детский садик маленького шахтерского поселка Коммунар, который ополченцы освободили от украинских боевиков в конце сентября. Отступая, добровольческий батальон забрал и вывез всё, что смог, даже картошку из огородов заставили выкопать и отдать. После освобождения на территории шахты возле поселка обнаружили обезображенные тела людей, в том числе женщин со связанными руками. Многие пропавших так и не нашли.

Гуманитарная помощь для отряда

Фронт переместился дальше, неподалеку шли бои, у молодой Республики не доходили руки накормить-приютить всех нуждавшихся. Гуманитарки приходило недостаточно, еще не были налажены учет и распределение. Отчаянные родительницы, видя, что маленькие дети голодают дома, а в школе и садике их тоже кормить нечем, ездили по всем уцелевшим окрестным предприятиям, в красках описывали ситуацию, просили помочь. Как-нибудь база даст мешок овощей, макаронная фабрика — лапши, так и выживали. Периодически в поселок приезжали кришнаиты, варили кашу с овощами и раздавали голодным людям.

Это всё было очень страшно, однако такая общая беда быстро изменила, сплотила людей. Соседи помогали друг другу, делились кашей, подкармливали голодавших пенсионеров. Писали объявления о том, где большая нужда, люди откликались, приезжали, спасали. Очень живо отреагировало российское общество, множество волонтеров, ячейки нашей организации развернули активный сбор и отправку гуманитарной помощи для мирного населения и ополченцев, помогли раненым.

17 января 2015 года в бою под аэропортом отряд СВ понес первые потери — погибли трое: Евгений Красношеин, Евгений Беляев и координатор донецкой ячейки Игорь Юдин.

Для меня время до и после похорон Игоря вспоминается как разные периоды, и я знаю, что для других бой на «Трешке» — тоже некая поворотная точка.

С весны 2015 года инфоцентр, гражданская часть миссии и, по возможности, военное крыло, регулярно прорабатывают газету и другой контент «Сути времени». В 2015–2016 годах ребята из ростовской ячейки приезжали к нам для совместного освоения «Манифеста», «Нашего пути», «Права на кислород» и других материалов. Киевские и ростовские товарищи на многое открыли мне глаза, и я вижу, что эти занятия безумно важны для ячеек «Сути времени», потому что по-настоящему прочные структуры формирует только смысл, другие варианты сборки — на местных лидерах, линейно-мобилизационном драйве — рано или поздно рассыпаются.

За эти три года я пересмотрела свое отношение к участию в «Сути времени». Раньше я думала, что смогу отсидеться на периферии, что в организации много «умелых, с бодрими лицами», которые свернут все нужные нам горы, а я им помогу, чем смогу. Теперь же я увидела, как нас мало, что с 40-миллионной Украины собралось всего 20 человек. Все те местные украинские активисты, за чьими спинами я планировала отсидеться, проявили слабость и отпрыгнули, кроме одного — он героически погиб. Уже давно нужно быть в строю, каждый человек в организации, который способен работать, на счету и перегружен, а я до сих пор вожусь со своими слабостями. Очень хочу пробить эту стену в жизнь и, наконец, пробудиться.

За это время благодаря доброте и вниманию руководителей и товарищей я поняла, увидела и узнала много нового, обрела братьев, поступила в ШВС и получила безумно ценный шанс вместе с другими менять себя и то, что вокруг. Это всё потому, что нам с Витей посчастливилось жить в Донецке, который волей случая оказался центром антифашистского сопротивления и местом сбора украинской «Сути времени».

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ГАЗЕТЧИК

Газетчик — член донецкой ячейки. Встал на борьбу с украинскими карателями с 17 июля 2014 года — со дня основания миссии. Отлично владеет оружием, но его основной инструмент — это острый ум и меткое слово, поэтому его деятельность связана не только с боевым, но также с гуманитарным и информационным направлениями.

Война очень резко и практически мгновенно показала, кто есть кто в твоём окружении. Понятные до этого люди стали непонятными. А новая «камуфляжная» среда была вообще тегга incognita. Но постепенно мы начали различать ее свойства. В их числе — родственность и семейность.

Они видятся в «нестандартных» рукопожатиях при встрече сослуживцев и в приветственных кивках любому незнакомцу в военной форме.

Они слышатся в обращениях друг к другу:

— Братец Контрабас! Истинный и магнитный азимуты, склонения и тысячные... Помоги разобраться!

— Не вопрос. Послезавтра проведем занятие, а потом закрепим на практике. Готовьте линеры, карты, офицерские линейки, ну и минометы, разумеется.

— Вольга, дядька Ирис говорит, что на днях подъедет, есть задумки кой-какие.

— Организовать встречу и транспорт, чтоб всё как положено было.

— Матросик, что у нас с картой?

— Это не карта, а какой-то парус получается... 96 листов! Сейчас подрежу и начнем склеивать. Справимся в срок, не бойсь.

Поначалу даже немного резало слух от числа «братцев», «бать» и «дядек» вокруг. Но очень скоро эти слова приобрели их реальное значение. И у каждого из нас оказалось не по одному отцу-команди-

Газетчик

ру, который, как и положено отцу, суровый, но справедливый, немногословный, но умеющий растолковать сложные ситуации. Оказалось еще и по несколько дядек, которые охотно делятся своим жизненным опытом и знаниями. А еще оказалось огромное число братьев, готовых в любое время прийти на зов, будь он радостным или горьким.

В большинстве своем народ у нас трудовой и достаточно суровый, не привыкший просить о помощи, пока уж совсем не припечет. Но как-то так получается, что, как правило, дело до просьб не доходит. Как-то так получается, что случись что, все уже знают, кому и какая помощь необходима. И уж если кто сам помочь не сможет, то уж точно поднимет на уши всех, до кого дозвонится.

Не брось тебя в беде, друзья будут рядом и в радости. А еще тут очень мало

места «шмоточничеству» и «себялюбию», как я это называю. У всех парней чуть ли не половина боевой экипировки и амуниции — подарок (здесь говорят «подгон») от такого же брата-бойца.

Безусловно, это не исчерпывающая картина. Как и в любой жизни, в том, что я назвал «камуфляжной средой», есть и темные места. Но когда речь заходит о наших людях, я, в первую очередь, неизменно отчетливо вижу именно это.

Совместный труд сплавливает сильнее общих посиделок или гулянок, будь он физическим или умственным. А в идеале необходим симбиоз. Ведь лучший отдых — это смена деятельности. За эти три года мы сумели убедиться в этом в полной мере. Мы тащили наряды по кухне и ездили с агитбригадами по предприятиям области, выпускали боевой листок и разгружали БК, копали окопы и блиндажи

и выпускали новостные сюжеты на нашем канале, держали позиции и читали газету, развозили тонны гуманитарки и проводили еженедельные дискуссионные клубы. И если все, как один, участвуют и вкладываются в общее дело, то такой коллектив способен взять высоты любой сложности.

Миссии «Суть времени» исполняется три года. Мы стали семьей, познавшей горе и радость, труд и трудности. Мы вместе идем вперед, несмотря ни на что. С чем и поздравляю вас, мои товарищи!

А нашим соратникам хочу сказать: не дожидайтесь беды, чтобы иметь счастье вместе вершить хорошие, правильные, достойные дела.

РУМЫН

Румын прибыл в Донецк летом 2014 года. С первого дня существования миссии ответственно подходит ко всем работам, которые ему поручают, будь то стройка, интервью или чистка оружия. Человек, влюбленный в оружие. Всегда готов подставить свое плечо товарищу.

События на майдане Незалежности в Киеве повлияли на меня очень сильно. Когда бандеровские боевики организованно пошли в наступление на Институтской улице, я осознал, что они пойдут до конца, что они встали на путь насилия. Апофеозом этого были события в Одессе 2 мая. Я понял, что в одиночку не смогу ответить на этот вызов. И с надеждой воспринял призыв Сергея Ервандовича о сборе украинских активистов

«Суть времени» на территории, которая дала бой бандеровцам.

С первых дней в ДНР моя гражданская специальность компьютерщика очень пригодилась при обеспечении работы Дома правительства. Но обстрелы Донецка из тяжелого вооружения заставили овладеть новой военной специальностью. По рекомендации Вольги я стал начальником склада вооружения батальона «Восток». Остальные товарищи, приехавшие из Украины, овладевали другими военными специальностями в боевой группе и в информационном центре.

Я всегда интересовался оружием, и работа с ним пришлась по душе. Опытные инструкторы быстро обучили меня ремонту оружия. Я встретился с легендарными крупнокалиберными пулеметами Дегтярева, винтовками Симонова, пистолетами Стечкина и Токарева. Меня восхищает лаконичность и законченность инженерной мысли, которая создала наше советское

оружие, восхищает простота, надежность и безотказность систем.

Когда отряд «Суть времени» стал нести службу в батальоне специального назначения «Хан», на мою долю выпало быть разведчиком-сапером. На этом участке я ознакомился с инженерными боеприпасами, ловушками, сюрпризами и со многими другими опасными головоломками.

Кроме того, за три года еще пришлось овладеть съемкой и монтажом видеороликов в информотделе, где опытные товарищи Алтай, Студент и Слон делились со мной своими профессиональными навыками. Мы снимали видеоролики о передаче гуманитарной помощи детям Донбасса, уроки безопасности при нахождении взрывоопасных предметов и уроки мужества. Дети очень внимательно слушали. От этих уроков была польза — например, когда школьники обнаружили взрывные устройства и по инструкции обратились к профессионалам. Кроме того, мы часто

выезжали на съемки учений армии ДНР с привлечением большого количества личного состава и техники. А потом я с вдохновением монтировал эти ролики, подбирал музыку и видеоряд, советовался с товарищами.

Информационная работа заставила меня больше общаться с людьми. Я стал лучше понимать настроения гражданских, которые живут в непосредственной близости от боевых действий. Они хотят, чтобы боевые действия прекратились, однако осознают, что украинские военные преступники не прекратят обстрелы. А значит, нужно поддерживать тех, кто тебя защищает. Эта поддержка со стороны мирного населения очень ощутима.

Собрав весь трехлетний багаж навыков, я и мои товарищи снова на передовой. Мы вынуждены продолжать борьбу с оружием в руках за то, чтобы идеи братства, равенства и справедливости не были только словами.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

СЕВЕР

Север — представитель киевской ячейки «Суть времени». Ни один митинг или акция, в которых участвовала ячейка, не проходили без Севера. С момента образования миссии в Донецке принимает самое активное участие в ее деятельности: от гуманитарных акций до создания информационно-аналитических материалов.

Три года — это много для войны и мало для жизни. Но за три года можно что-то понять, что-то успеть, что-то изменить. Хотя насчет «изменить»... Всё вокруг так стремительно меняется, что иногда просто не успеваешь даже понять, что к чему. В какие-то моменты речь идет уже не о том, чтобы что-то изменить, а хотя бы о том, чтобы что-нибудь сохранить, не потерять. Например, себя или что-то в себе...

Складывающийся на наших глазах мир — странный. Патриоты без родины (я имею в виду «свидомых»), зигующие борцы с фашизмом или, например, та же «ювеналка» — это все черты нового странного мира. Странного в том смысле, что его нельзя принять ни умом, ни душой, ни сердцем. Старый мир трещит по швам,

он сопротивляется, но уже покрыт трещинами, в некоторые местах уже вывалились осколки. На месте этих вывалившихся осколков иногда появляются «серые зоны». Точнее, они даже не серые, но, если можно, я назову их так.

Эти зоны тоже странные, но по-своему. Странность этих зон заключается в том, что в них сосуществуют взаимоисключающие вещи: смерть и жизнь, подлость и благородство, трусость и героизм, безразличие и жертвенность. В обычных местах эти взаимоисключающие вещи тоже присутствуют, но в «разбавленном» виде, а тут всё очень сконцентрировано. И в этом сосуществовании взаимоисключающего ощущается накал, оно или переплавит само себя в нечто новое, или превратится в шлак. Но шанс на переплавку — есть.

Донбасс — это как раз такая странная зона. И, на мой взгляд, в том и заключается сегодняшняя война, что в Донбассе может произойти такая переплавка, но наши враги это понимают и сделают всё, чтобы этого не допустить. Само наличие таких странных зон заявляет громко: «Будущее еще не проиграно!»

Читаю в статьях Сергея Ервандовича об инфантилизме и вспоминаю себя, приехавшего на войну. Горящего, идейного, возмущенного. И совсем не понимающего, куда попал. Детство, конечно, прекрасно, но веч-

ное детство противоречит развитию. Сейчас я понимаю, что тогда, в свои тридцать с небольшим, не был взрослым. Я был лишь научен существовать в рамках некоего бытия, которое, как оказалось, очень легко рушится.

Говоря об инфантилизме и взрослении, я имею в виду не те специфические ситуации, которые человеку, впервые едущему на войну, подкидывает его воображение: «я и танк», «я и группа вражеских диверсантов» и т. д. Таких ситуаций я не видел. Для меня главное ощущение от войны — это подлинность жизни: ее глубина и ее честность, ее грязь и грубость, нежность и радость, многогранность. «Жизнь до» давала возможность уйти от ответственности, спрятаться от выбора. Война таких лазеек не оставляет. А ситуации те же — будь то ответственность за свой выбор (когда не можешь решиться выбрать, а надо) или, например, личные симпатии или антипатии к кому-то в коллективе, мешающие дружно решить некую задачу. Ты как будто луковица, на которой много шелухи, много налипших слоев чего-то лишнего, непонятного, неправильного и уже присохшего к тебе намертво. И ты сам отдираешь это от себя, ощущая и отвергая эту чужеродность — примерно так здесь происходит взросление. Или не происходит, ведь в тумане войны легко раствориться и потеряться.

Я смотрю на своих товарищей. Так или иначе, но взрослеют все, хотя у каждого до войны была своя дорога и свой груз детства на плечах. Нам повезло попасть на войну, встретиться с ней лицом. Встретиться друг с другом. Нам повезло что-то почувствовать и что-то понять. Мои товарищи — сильные люди. На войне острее, чем в мирной жизни, понимаешь, что сила только в идеалах. Если ты действительно веришь в свои идеалы, ты их никогда не предашь. Предать идеалы ты можешь, только если сам себя обманываешь, убеждая себя, что веришь в них. Главное, чего требует от тебя жизнь на войне, — быть честным.

Три года — это много. Я встретил здесь много настоящих людей, которые дарили себя окружающим и многому меня научили. Некоторых уже нет в живых. Вечная память погибшим. Здесь я обрел новую семью. Здесь я почувствовал радость и ценность обычных человеческих отношений, прямых и честных, без лжи и масок. Самое главное из того, что произошло здесь лично со мной, — это переоценка ценностей. Звучит, наверное, банально, но для меня за этими словами стоит очень много.

Меня как-то спросили, не жалею ли я, что приехал сюда. Я не жалею. Если б пришлось выбирать еще раз — приехал бы, не раздумывая.

ИННА

Инесса пришла в миссию в феврале 2015 года, когда «Суть времени» была еще в бригаде «Восток». С самого начала взяла на себя одно из самых сложных направлений работы — оформление документации. Параллельно с этим занималась работой по сопровождению и доставке гуманитарных грузов. Множество организационных моментов было решено благодаря неустойчивости и внутренней организованности Инессы.

Ответственность... Что на самом деле обозначает данное слово, какое отношение человека к окружающему его миру и людям оно подразумевает?

В моей семье я была самой младшей из детей и по факту ни за кого ответственной не была. Но эту черту мне упорно прививала моя прабабушка, которая прошла и Великую Отечественную войну, и голод, и смерть своего сына. Когда я приезжала в ее дом на окраине Мариуполя, то для меня начиналась совсем иная жизнь. Для меня был сооружен маленький табурет, с которого я доставала до высокой кровати, чтобы заправить ее как положено и взбить хорошенько подушки. Таким же образом мыла посуду, стоя на уменьшенной копии табурета. Везде «хвостиком» ходила за прабабушкой, помогая ей во всех домашних делах и впитывая в себя всю ее жизненную мудрость. Она всегда говорила: «Ты — моя опора, и поскольку ты молоденькая, то смотри за мной, чтобы я ничего не забыла и не натворила делов». Когда она с возрастом действительно начала многое забывать, выяснилось, что всё, чему она меня учила, не прошло бесследно. Теперь я ходила за ней не как маленькая, а как взрослый

человек, проверяя, закрыла ли она газ или воду. Благодаря прабабушке я осознала, что мы все должны быть ответственными не только за себя, но и за окружающих нас людей.

В начале 2015 года, спустя почти год после начала войны, я пришла в СВ. В то время я сама была уже мамой. При виде ужасов, творившихся на моей земле, ко мне начало приходить осознание ответственности уже не только за моих родных, но и за всех людей и детей, которых нужно спасти. Процесс этого осознания, требующий внутреннего изменения, происходил у меня достаточно тяжело. Борьба с моими внутренними демонами была настолько жесткой, что порой хотелось кричать. Мысли в голове носились вихрем. Сосредоточиться на каком-то определенном деле было достаточно трудно. Я начала физически болеть и поняла, что нужно срочно найти способ не сойти с ума от этой борьбы.

Я стала заниматься единоборством, как когда-то в юности. В начале этого пути мне приходилось разбивать кулаки в кровь, чтобы допустить в мой эгоистичный разум мысли о чужих для меня людях, об их страданиях и надвигающейся смертоносной угрозе уже для всех. В какой-то момент, поняв, что я саму себя победила, я обняла макивару и расплакалась. Слезы обжигали мне щеки. В то же время я почувствовала, что душа моя очищается и разум светлеет. Тогда в первый раз мне стало понятно, что делать и как дальше быть. Я сделала выбор — поняла, что буду бороться.

Как только я четко определилась со своим путем, то произошел судьбоносный подарок — встреча с Контрабасом, который и привел меня в СВ. В тот момент я вспомнила слова, которые мне часто повторяла моя прабабушка: «Дорогу осилит идущий». Тогда я не понимала этих слов. И вот только сейчас начала приходить ясность.

А потом начались трудовые будни. Рабочие дни были направлены на помощь ребятам и каждодневную борьбу с моими

Октябрьский район Донецка. 11 марта 2015 г.

демонами. И я так понимаю, что моя личная война будет идти до конца моих дней.

На войне всё воспринимается острее и ближе к сердцу. Здесь приходит понимание, что каждое действие ведет за собой последствие. В данном случае цена за неправильно сделанный выбор — это жизнь.

Три года миссия СВ на Донбассе развивалась в определенном векторе, который был обозначен в самом начале. Но в последнее время внутри нас начали происходить метаморфозы. Каждый член миссии стал чувствовать в себе потребность в качественном преобразовании, видя жизнь в Александровской Слободе и начинание Москвы. Многие ребята из отряда зимой поехали на поселение для оказания помощи в работе с бетоном. Вернулись они уже другими людьми. Слушая их рассказы о работах в Александровском, вспоминала описание строительства железной дороги из произведения Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Сейчас происходит повторение истории, только сталь у нас для каждого своя: для Александровского — это бетон, а для нас — это война в Донбассе.

Наш коллектив стал еще более сплоченным. И это неудивительно, ведь мы вместе живем в том месте, где господствует смерть. Мы стали одной семьей. Всех нас объединяет большая цель. Мы наконец-то становимся взрослыми людьми, беря на себя ответственность уже не только за сдерживание врага на границе ДНР, но и за достижение этой цели. Наша цель — построение нового великого государства. Мы можем его и не увидеть, но это означает только, что мы должны воспитать достойную смену, которая сможет завершить начатое нами дело. Рано или поздно мы построим новое государство со здоровым обществом, с образованием высокого качества и традиционными ценностями. Ради этой цели мы будем разбивать наши кулаки в кровь, осознавая всю силу ответственности перед погибшими и перед нашей мечтой.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

СЛОН

Слон приехал в миссию из Москвы весной 2015 года, чтобы помочь на информационном направлении. За это время обработал огромное количество фото и видео, принимал участие в реализации почти всех информационных проектов миссии.

Мой путь в миссии начался 28 марта 2015 года. Я приехал в помощь информационному центру донецкой миссии «Сути времени» — снимать и монтировать видеоролики. За месяц до этого я даже не предполагал, что ко-

гда-нибудь возьму в руки камеру и начну делать видеорепортажи.

Начав работать в инфоцентре «Суть времени» на базе бригады «Восток», я увидел, насколько живые люди собрались защищать свою землю от нацистов, и в первом же письме родителям написал, что не хочу отметить тут «туристом» и через пару месяцев уехать домой. Я видел людей, которые приезжали в Донбасс покрасоваться с оружием и уезжали при первой же опасности, и не хотел вливаться в их ряды. Я не мог остаться дома и равнодушно видеть по телевизору бесчинства бандеровцев, поэтому и рванул сюда, особо не раздумывая о том, на какой срок еду.

Лариса Соловьёва, которая учила меня снимать и монтировать, сказала, что ей кажется, что в Донецке я останусь надолго. Ее слова оказались пророческими. Два года, которые я уже тут нахожусь, может, и не такой большой срок, но это не те два туристические месяца, на которые я сначала, еще до отъезда в Донецк, все-таки ориентировался.

Почему же я остался? Потому что пролито много крови, а я сделал слишком мало. Потому что люди, которым я приехал помогать, стали моей второй семьей. О каждом товарище из миссии можно поэму написать. С ними вместе я выезжал на боевые позиции, на места, где только

что отгребли бои. С ними вместе я понял, что такое путь, с которого нельзя сойти, не потеряв себя. И еще я понял за время моего пребывания в миссии «Сути времени», что стать по-настоящему счастливым человеком можно только путем тяжелого труда и постоянного преодоления своих страхов и слабостей. Теперь я не представляю себе, как бы я жил без этой школы. Она еще продолжается, еще многому предстоит научиться. Перед нами новые вызовы, а отступать нельзя.

СТУДЕНТ

Студент присоединился к миссии СВ ДНР в апреле 2015 года.

До этого времени — активнейший член киевской ячейки, принимал участие во всех антимайданных акциях. В Донецке работает на информационном направлении.

18 января 2015 года я узнал от Памира, что бойцы нашего отряда попали в тяжелую ситуацию. Я еще не знал, что именно произошло, но тревога за ребят не давала мне уснуть. Я всю ночь смотрел прямой эфир с камеры в аэропорту и видел, как одна за одной взрываются осветительные ракеты. Шел интенсивный бой. Позже стало известно, что 17 января в аэропорту, на позиции «Трешка», где «Суть времени» держала оборону, погибли трое наших ребят: Болгарин, Пятница и Белка. Другие получили серьезные ранения.

Осознание гибели Игоря Юдина повлияло на меня очень сильно, так как с ним я, пусть и очень кратко, но был знаком. Я вспомнил его видеообращение с описанием гуманитарной катастрофы и призывом собирать и присылать помощь. Хотя мне казалось, что я уже твердо решил отправиться в Донбасс, но именно после просмотра этого обращения летом 2014-го я встал из-за компьютера и написал заявление об увольнении с работы. Из-за семейных проблем сразу уехать не вышло. Я распространял в интернете информацию об отряде и в целом о событиях в Донбассе. Но теперь, после случившегося, я понял, что не поехать туда не могу.

Памир мне описал, чем занимается инфоцентр. Так как я был программистом, я решил, что смогу помочь ребятам с компьютерной версткой, обработкой фотографий, администрированием социальных сетей и другими задачами.

Попав на территорию ДНР, я вдруг почувствовал какой-то необъяснимый эмоциональный подъем, чувство свободы, радости, что я на территории, где свои. Водитель такси, которое я нанял, чтобы доехать от российской границы до Донецка, по дороге рассказывал мне о боях, которые проходили в тех местах, где мы проезжали. Вдруг он покосился на меня и спросил: «Ты что, тоже в ополчение?» Я ответил: «Да». «Не верю... Ну ты даешь!» — сказал он и предложил довезти меня не до остановки Мотель, как я просил, а прямо под ворота базы «Востока».

На Мотеле меня встретили Памир и Слон. Они провели меня на базу, показали казарму и где находится инфоцентр.

Тренировки

Зайдя в комнату, я сразу увидел Алтая, с которым мы, как и с Памиром, вместе работали в киевской ячейке «Сути времени». Он отпустил бороду и стал как будто выше ростом. Вообще все ребята, которых я раньше знал, изменились. Да и военная форма сама по себе сильно меняет человека. Кот также отпустил бороду и выглядел как умудренный опытом старый офицер-политрук. Ишима вообще из-за бороды было сложно узнать. Познакомился с Рыбаком и Слоном — ребята приехали из московской ячейки «Сути времени», чтобы помогать с видеосъемкой и монтажом роликов. Памир первым де-

лом прочитал мне вводный курс обращения с оружием, научил разбирать и собирать автомат.

Постепенно меня подключали к задачам инфоцентра. Алтай, Слон и Рыбак снимали видеорепортажи об обстрелах города, о доставке гуманитарной помощи, брали интервью у местных жителей, у ополченцев, Кот писал статьи в газеты. Я видел, как Рыбак учит Алтая монтировать видео, мне стало очень интересно и самому попробовать, и я вызвался, чтобы меня научили. Почти сразу появилась возможность научиться снимать видео — мы поехали на Летнюю школу «Сути вре-

мени» и там, под руководством Рыбака и Ларисы, ведущей проект «Специстория», я прошел практику.

После этого началась моя полноценная работа в инфоцентре — я был фотографом и видеооператором. Вскоре нам понадобился переводчик с английского, так как нашим корреспондентом вызвался быть доброволец из США с позывным Техас. Мои знания английского были не на высшем уровне, но на бывшей работе приходилось общаться с американцами, поэтому разговорную речь на слух я воспринимал относительно хорошо, и при помощи англо-русского словаря начал делать субтитры к роликам с Техасом.

Однажды к нам в комнату вошел Лом и попросил помочь с погрузкой БК. Мы загрузили почти полный «Урал» ящиками с минометными минами и назад пришлось ехать, сидя на этих ящиках. Во время езды «Урал» подпрыгивал на кочках, подпрыгивали ящики с минами, подпрыгивали и мы, сидя на этих ящиках. Мне объяснили, что это безопасно, но ощущения были незабываемые. Мы регулярно что-то грузили и я быстро привык к таким поездкам.

За время съемки репортажей о доставке гуманитарной помощи мы объездили много городов и поселков в ДНР и ЛНР. Всюду были посеченные осколками или сгоревшие дома, проломленные крыши. В школах висели доски памяти с фотографиями выпускников, которые погибли, защищая свой край от бандеровского фашизма. Два вопроса, которые часто можно было услышать от людей, с которыми мы общались, «Когда закончится война?» и «Скажите, мы же не будем снова в Украине?». Я отвечал, что никто не знает, сколько еще будет идти война, возможно, еще не один год, но всё зависит от нас — сможем ли мы сами защитить себя и наладить жизнь в своей республике. Про Украину ответить было сложнее. Людям было сложно представить, что она когда-нибудь сможет оправиться от того, что присягнула нацистам Бандере и Шухевичу. Приходилось объяснять, что и там есть нормальные люди. Рано или поздно они перестанут жить в страхе, туман пропаганды рассеется, время всё расставит по своим местам, а мы обязательно поможем им восстановить свое человеческое лицо.

Война не окончена. Жизнь бросает всё новые и новые вызовы. Впереди еще много работы. Нас всех судьба собрала здесь, в Донецке. За эти годы мы стали настоящей семьей, где каждый помогает друг другу учиться и расти над собой. Верю, что вместе мы еще многое сможем сделать.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

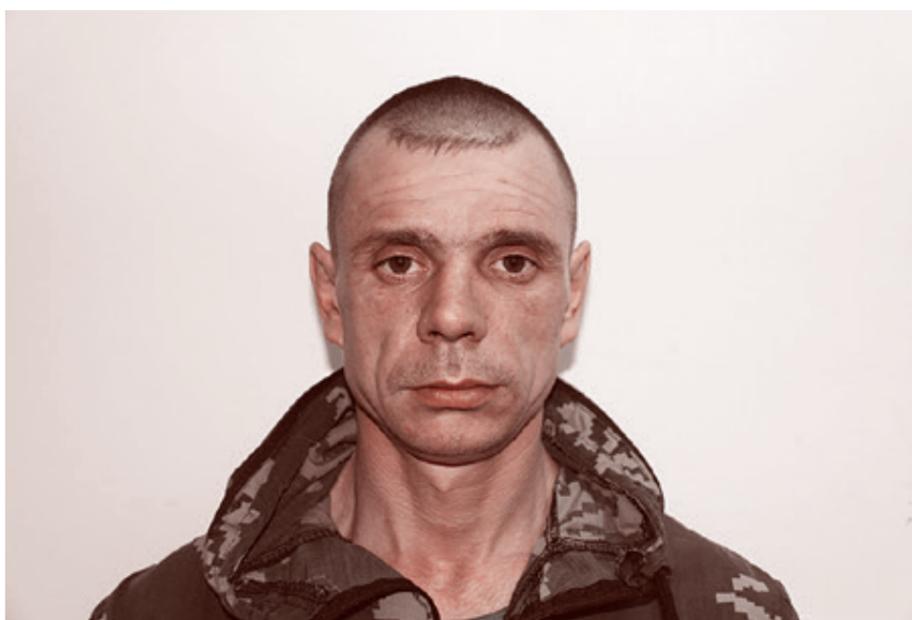
Болгарин

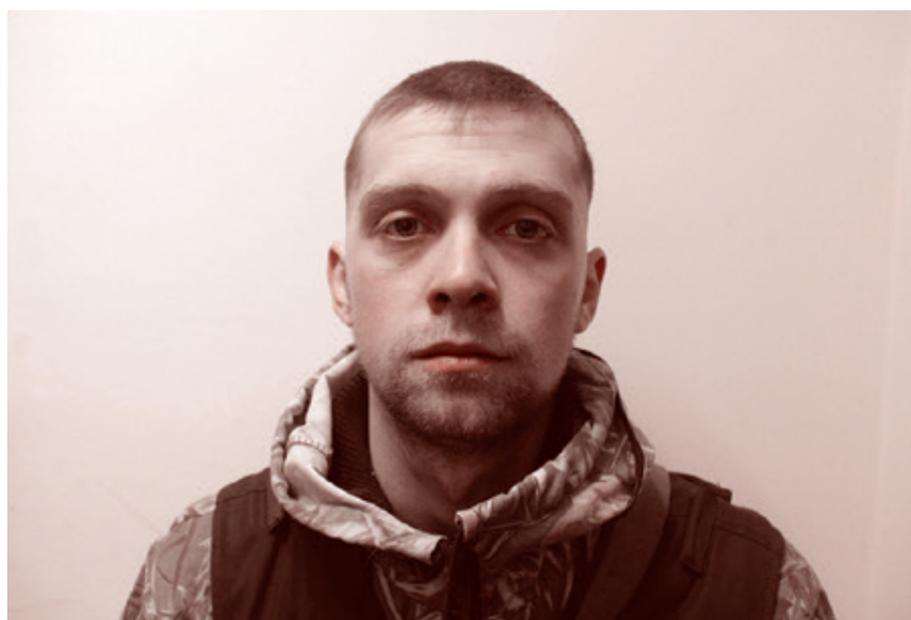
Белка

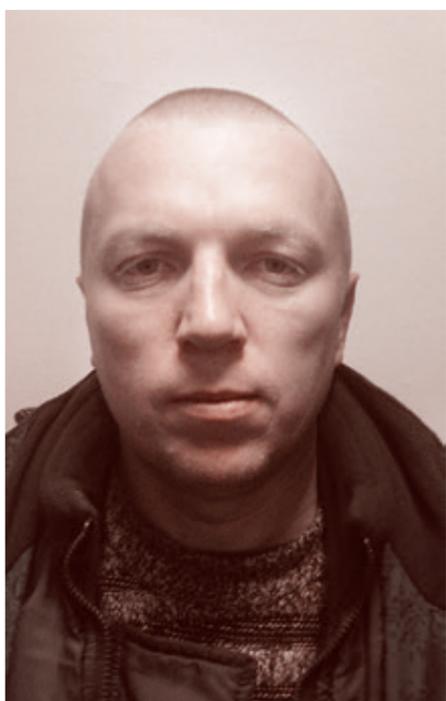
Пятница

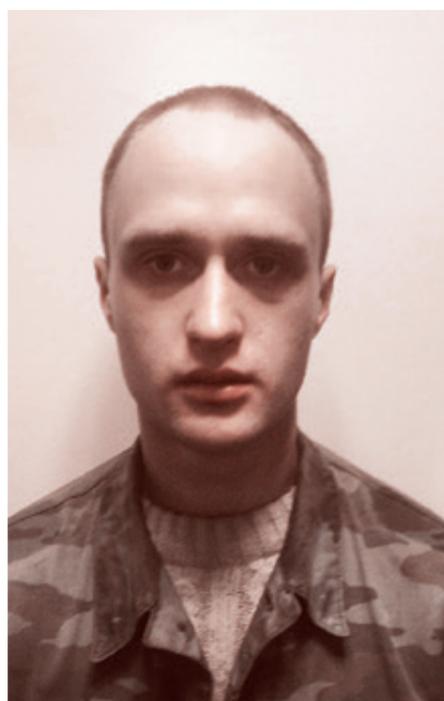
Сухарь

Альпинист

Алис

Сыч

Двойка

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

Панорама из «Трёшки»

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

Вольга и Надежда Александровна, мама Игоря Юдина (Болгарина). 17 января 2017 г.

Могила Игоря Юдина (Болгарина). 17 января 2017 г.

Идем к «Трешке» 17 января 2017 г.

На «Трешке». 17 января 2017 г.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ИРИС

Ирис приехал в Донбасс добровольцем в августе 2014 года. Он воевал еще в Таджикистане, поэтому не понаслышке знал, что такое война. Один из тех, кто строил отряд «Суть времени». Вошел в руководство военной части миссии СВ, стал заместителем Вольги. Его имя неразрывно связано с боями и делами миссии.

Я наблюдал за событиями на Украине с осени 2013 года. В том числе, эти события побудили меня войти в движение «Суть времени». Смотрел онлайн-трансляции с майдана, когда милицию от майдана отделяла только горящая баррикада, звучало «Щэ нэ вмерла...» Затем полилась первая кровь, началась реальная стрельба — снайпера...

Как человек воевавший, в Ростов я приехал со 150 килограммами груза: бронезащита, снаряжение, медицина, литература по военной тематике. Читая сводки, я понимал, что там еще ничего нет и всему будут рады. По приезде в Ростов меня встретили местные сутевцы и поселили в общежитие, где вместе с другими добровольцами, приехавшими в Донбасс, я прожил около двух недель. Там я познакомился с Осетином и Орехом, со многими другими интересными людьми.

Сутевец из Ростова, который курировал встречу и размещение добровольцев, организовал для нас поход в госпиталь — показал людей с тяжелыми ранениями, оставшимися без конечностей, дал нам возможность с ними поговорить. Человек, который после ранения пришел в себя и осознал, что он на всю жизнь останется калекой, рассказал нам об этом без лишних сантиментов. Из пяти мужиков, которые были со мной, трое после этого разговора передумали заезжать на Донбасс.

При пересечении границы меня встретили Лом с Контрабасом. Там же, на границе, мы познакомились с Интеллигентом. Все они были в форме, но по их поведению было видно, что еще не воевали. По дороге в Донецк проезжали какие-то села, вокруг постреливали. Еще при переходе границы обратил внимание на сарай, который был похож на дуршлаг, — видно, что работали минометы.

Проезжаем границу ДНР — ходят люди в военной форме, еще неубранная сгоревшая военная техника, на высотах накопаны окопы.

Во второй половине дня, при проезде через одно из сел, на укатанной «Волге», на которой мы ехали, порвался ремень ГРМ. Людей вокруг нет, на окраинах слышна стрельба. Лом пошел в какую-то крайнюю хату, мужик повел его в сарай, подобрали ремень по размеру порванного ГРМ. Установили, поехали. Блокпосты, через которые мы проезжали, непонятно кому подчинялись, документы донецких властей не признавали... Какая-то «Свадьба в Малиновке». Встречных машин было мало, они ездил с включенным сигналом аварийки — этот знак говорил, что едет ополчение и по делу.

Приехали в Ясиноватую, и там началась другая жизнь.

Первое впечатление — иррациональность всего происходящего, ощущение, что люди сильно не соответствуют происходящему, их внутреннее состояние не соответствует их лозунгам. На практике это выглядело так: взяв в руки оружие, многие зачастую не старались его освоить, не понимали, зачем. Вполне было достаточно, что их тело утяжелено каким-то количеством килограммов железа. А у граждан-

ских, которые их поддерживали, продолжалась своя жизнь, по старым законам.

Сильных впечатлений было много, всех не перечислишь... Помню, как наш друг Румын раздобыл где-то пулемет — РПК учебный с просверленным казенником. Говорит: «Пока он вроде никому не нужен, а вас надо усилить временно, вот, держите пулемет, постреляйте». Я его осмотрел. Румына лично я не знал, но услышал, что передавший пулемет — оружейник. Думаю: «Странно, он как бы рабочий, канал не сверленный, единственное что — патронник просверлен». Думаю, вроде как нельзя. Но — оружейник же говорит! Стрельнул одиночным — в морду мне прилетела половина пороха, гильзу заклинило, пуля тоже из канала ствола не вылетела. Тогда я вспомнил украинский: «Сука, выжег мне очи!» Долго искал Румына... Сделал для себя вывод, что когда тебе многозначительно говорят, что вот это полковник, к примеру, либо оружейник, либо минер, либо артиллерист, надо особо осторожно относиться и к лицам, представленным с такой многозначительностью, и к предложениям этих лиц. Надо опираться на собственные знания, не доверяться этим полковникам, оружейникам, минерам и артиллеристам (*смеется*).

Второй эпизод яркий — это наш выход в Пантелеймоновку. Туда выдвинулась большая колонна, в состав которой входили и мы, Отдельная тактическая группа «Суть времени» (ОТГ СВ). Наш отряд был придан танковому батальону Панциря, чтобы выполнять функции танкового десанта и прикрытия танков от пехоты и артиллерии.

Я узнал буквально недавно, в чем там была тактическая задумка. Мы тогда стояли в поселке за забором и не выходили, сидели на броне в десанте, а потом чуть выдвинулись и встали в поле. В поселке стояли долго, минут тридцать, наверное. Причем там не густо, но полетывало из минометов, и арта работала. Я подумал: «Чего мы сидим на броне, когда можно рассо-

саться в кювет?» А потом мы выдвинулись из-за забора, прошли метров сто — сто пятьдесят и еще минут двадцать стояли в поле.

Так вот, задумка состояла в том, чтобы обмануть хунтовских «штирлицев». Расчет был на то, что они передадут укропам, что колонна выдвинулась (мы же двигались по дороге), а мы притормозим, и они ударят чуть раньше, когда нас там еще нет. Ну а дальше был бой... Прилет «Градов» (это для меня было свежее впечатление, чтоб по мне «Градом» стреляли) — серия легла чуть левее от нас по ходу движения... Наше спешивание... Борьба наших танков с противником, когда первый наш выстрел перебил высоковольтку, которая стояла в ста метрах, и она загнулась... Вся эта эпическая картина происходила на моих глазах.

Помню танкиста с ополоумевшими глазами... Меня там накрыло, потому что я пытался обежать танк спереди, чтобы постучать прикладом в броню... ну или помахать руками перед прибором наблюдения, чтобы он обратил внимание. Я хотел сказать такисту, чтобы он туда не стрелял, там наши сидят в трех километрах, там наш блокпост. Не надо его расстреливать танком, сбивая при этом АЭПы!

В этот момент он, собака, выстрелил. Хорошо, что я не успел до конца весь танк обойти. Меня унесло в поле. Я подумал: «Идите вы с вашей войной, дайте я полежу». Потом я увидел ополоумевшего танкиста, который начал разворачиваться и чуть не подавил всех. Я его спросил: «Ты куда?». Он мне сказал: «У меня снаряд заклинило в стволе, выхожу из боя». Поскольку в голове от контузии шумело, пытался представить, как же его могло заклинить и не оторвать башню...

Потом мы бежали с этого бугра. Это далеко было. Впереди шел стрелковый бой. Я не понимал, кто куда стреляет. Подвернул ногу, но догадался, что лежать тут не надо, надо хромать или ползти в крайнем случае. Дополз до ставка. Человек

тридцать лежало в кустах и стреляло куда-то вдаль. Кто — очередями, кто — одиночными. Еще человек семьдесят было внизу, накотившись под бугром.

Бугор — это небольшая дамба. Уже кто-то раздевался, чтобы искупаться в этом ставке. Кто-то кипятил чай. Ополчение на раннем этапе напоминало махновский табор... То есть люди с дамбы докладывали о ходе боя, а купальщики находились буквально в двадцати метрах от них. Всё это — разматывание портянок, закуривание, заварка чая, попытки заплыть в этом ставке — разворачивалось на пятке сто на сто пятьдесят метров... На шерстяном ковре раскинувшееся командование, которое тоже там что-то накрывало... Доклады сверху, что поражены какие-то цели, укропы уже отступают... Подвернутая нога... всё это было прекрасно. Это был этап номер один.

А потом был этап номер два — переход на Васильевку. Я тогда для себя примерно выяснил квалификацию людей. Дело в том, что колонна пришла сначала в Лебяжье. Спешились. Командиры стояли, тыкали пальцами в какие-то свои карты. Мимо проходили местные. Я робко предложил уточнить у этих селян, где мы находимся. Выяснилось, что это не Васильевка, а Лебяжье. Васильевка — это правее на триста метров.

Колонна выдвинулась дальше. Расположились в Васильевке. В темноте началась легкая кутерьма — мол, наступают укропы. Я опять сидел с РПГ. Но в последний момент было объяснено, что нет, не укропы. Это наши гонят трофейные БМП. Подумалось: «Наконец-то день заканчивается, можно поспать!» Спали мы в какой-то разбитой хате. Помню, мины летали, но спалось уже отлично.

На следующий день мы пришли в Пантелеймоновку. Накануне я говорил о необходимости саперных лопаток. Всего два человека к этому прислушались. Народ расположился почему-то в лесу. Я предлагал допустить возможность минометных обстрелов. Мне сказали: «Не, в лесу нас никто не увидит из-за листвы». Сам я спал у танкистов. И часть группы тоже там спала, подвинув танкистов, выгнав, вытолкнув их из-под танков. А часть, которой не хватило места и которая попала-таки под обстрел, к утру уже руками и ложками откопала небольшие окопчики. И требовала в массовом порядке найти шанцевый инструмент, лопаты любой длины, размера и так далее...

Аэропорт — там впечатления все сплошняком, с первого до последнего, яркие. И сам заезд, когда джипом завозили людей, по-моему, пять или шесть раз. И первый день с моторовцами. И сам монастырь — ни окон, ни дверей. У нас было сначала всего два спальника, спали просто на ящиках с БК... Масса всего — и веселого, и совсем печального.

По себе могу сказать (я в этом уже здесь убедился), что и мой личный военный опыт, и опыт моих знакомых парней из других горячих точек — по большому счету, это всё «военный туризм». А здесь реальная настоящая война. Потому что здесь мы в другом качестве находимся. Здесь всё лично от тебя зависит. Совершенно другие правила. Здесь намного серьезней ко всему надо относиться.

Сутевцы выжили в сложной обстановке. Событий было много. Миссии есть над чем работать. На данном этапе накоплена некая «критическая масса», которая, как мы надеемся, позволит нам стартовать, выйти на новый уровень. Подробнее расшифровывать пока не буду.

Лучше смерть чем бесчестье

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ХОБОТ

Хобот — водитель в миссии «Суть времени». Коренной житель Донецка. В ополчении с осени 2014 года. Воевал в донецком аэропорту, на «Трешке». У него золотые руки, он буквально колдовал над многострадальными машинами отряда СВ. И в том, что у ребят на передовой всегда были патроны и еда, — огромнейшая заслуга Хобота.

Ребята рассказывали о множестве случаев, когда Хобот, проезжая по городу, останавливался, чтобы оказать первую помощь раненым при обстреле жителям или доставить их в больницу. Так он спас не одну жизнь.

В том, что я пошел воевать, а не уехал куда-нибудь, большую роль сыграла память о моем деде, который боролся с фашизмом. Но война коснулась и меня лично. Я своими глазами видел, как укропы обворовывали мой дом на Песках, выносили всё подряд. Семья хотела, чтобы мы переехали в Крым, но я решил остаться в Донецке. О «Суть времени» я раньше не слышал, попал сюда случайно. Еще по довоенной жизни я знал Газетчика, пришел к нему и спросил: «Нужен я или не нужен?» Он сказал: «Нужен».

Я приехал с вещами в Ясиноватую, там меня встретили Пятница и Филолог. Они сказали, чтобы я выбрал себе позывной. Это немного шокировало меня, так как я был обычным гражданским человеком. Я вспомнил, что в детстве у меня было прозвище «Вомбат», по имени героя одного мультфильма. Но почему-то, из-за возникшей ассоциации, я произнес: «Хобот».

Могу сказать, что каждая поездка по территории, которая обстреливается, сопряжена с опасностью. Успешным выезд считается, если он прошел без обстрелов.

Но если попал под обстрел, то тогда работаешь на адреналине, просто делаешь свою работу, думаешь об одном — надо вывезти людей.

Вообще я считаю, что нужно давать награды машинам, которые выдерживают такие огромные нагрузки. На фронте от машины зависит множество людей: будет ли вовремя доставлено оружие, БК, эвакуированы раненные... Машину нужно всегда содержать в рабочем состоянии, как оружие. Ремонт приходится заниматься регулярно.

Еще до войны я был знаком с Гасаном, он работал у меня механиком. Я его привел в отряд. Гасан — человек, который не треплет языком, а просто делает свою работу. Несмотря на возраст, он пашет и пашет. Я уважаю таких людей, на них многое держится.

Кроме боевых выездов, приходилось возить и «гуманитарку». Больше всего мне запомнилась доставка гуманитарной помощи для глухонемых детей в Макеевке. Они были рады подаркам, но мне было тяжело смотреть на них. Я понимал, что наша по-

мощь — это капля в море. Детями должно заниматься государство, но из-за войны с господдержкой тяжело.

Моя семья отмечает, что я поменялся за эти годы. Вообще, на меня чем-то повлияли все товарищи из отряда, но больше всех, конечно, Вольга и Ирис. Егор, наш командир — это человек, который и переживает, и воюет по-настоящему. Вкладывает все силы. Ест из одного котла с солдатами. В людях самое главное — не их слова, а поступки. Я очень благодарен ему и взял на себя обязательство помогать, сколько смогу.

Раньше я не особо любил людей, не верил в них. В 2014 году я пережил сильное разочарование, потому что многие мужчины уезжали из Донбасса, бежали. Но потом к нам стали приезжать добровольцы из России, такие как Буржуй, Узбек. Приезжали добровольцы с остальной Украины. Не для того, чтобы сфотографироваться с автоматом, а для того, чтобы воевать и работать. Они говорили: «Мы же ваши братья, соседи, как мы могли не приехать?» Тогда я понял, что не всё потеряно...

НИНА

Нина появилась в миссии в начале 2016 года. Скромная, немногословная, хрупкая девочка. И в то же время — опытная медсестра со стальным характером. Она работала в Первом военном госпитале, вытаскивала раненых ополченцев с того света. И одновременно изучала материалы «Суть времени». Активная жизненная позиция и упорство ведут Нину вперед и помогают ей тащить на себе груз большой ответственности.

2014 год — самый страшный год в моей жизни, наверное, таким стал когда-то для многих 1941 год. Но в то же время этот год расставил всё на свои места.

Моя жизнь не отличалась чем-то особенным. Мечтала о кругосветном путешествии, о том, чтобы изучать народы мира и их традиции, а потом в старости сидеть у камина в кресле-качалке и писать книги о том, что видела и где была, а рядом бы внуки переворачивали всё вверх дном. Смешно и наивно, однако мечты были именно такие.

Я никогда не думала о коммунизме, о возрождении СССР 2.0, всегда считала, что это чудное прошлое, но этого уже не будет ни в моем настоящем, ни в моем будущем. Будущее для меня — это покорение космоса, совершенствование наук, да, в это я верила. Однако всегда чувствовала и видела, насколько человек становится уязвимым: всё больше людей рождаются пустыми, не имея ценностей в жизни, и называют это судьбой. Мне становилось очень страшно, но что делать с этим и как решить эту глобальную проблему, я не знала.

Страшно смотреть, когда честный народ всю жизнь горбатится на тяжелой работе и не может позволить себе в отпуск отвезти детей на море. Страшно, когда все мысли в голове у человека о том, где бы завтра достать денег на кусок хлеба. Так он забывает о том, что он чело-

Нина. 9 мая 2017 г.

век, бедность часто делает его слабым и злым.

Ребят из донецкой «Суть времени» я встретила как раз в тот период, когда вера в человека во мне умерла.

Когда началась война, я пришла в госпиталь помогать. Меня ничего не пугало, знала, что делаю достойную работу. Перед глазами всегда был образ наших дедушек и бабушек. Прошло полтора года — и всё изменилось. Мне стало казаться, что мы не особо-то и нужны Республике, которая сама позвала нас на защиту от фашизма. Этот момент для меня был очень тяжелый, не за что было ухватиться. Вот именно в этот момент я и встретила ребят из организации «Суть времени», пришла к ним, увидела необыч-

ных людей, которым захотелось верить. Но от того, что у меня было настолько сильное разочарование, долго не могла раскрыться. Да, наверное, и сейчас у меня еще не полностью открытое сердце.

Пока что я иду с товарищами не на одной линии, а где-то «в хвосте коробочки». Хотя я и потерялась, но волевой характер ведь никуда не делся, он поможет мне быстро всё нарастить и наверстать. В любом деле нужно гореть самым ярким пламенем, чтобы враг боялся! Либо ты плесень и согласен с тем, что тебе нанесут поражение. Либо нет, но тогда нужно сделать всё и доказать, что ты Человек! Самая страшная война — это война с самим собой. Очень важно всегда быть в строю и уметь не только выдержать любой удар жизни, но и уметь дать ответ.

Сейчас я стою в строю, как в песне: «жила бы страна родная», «меня мое сердце в тревожную даль зовет...». Во мне появилась новая сила, понемногу возвращается вера в человека и человеку. Но я верю уже только поступкам, слова не значат ничего. Очень хочу дожить до того дня, когда слово «человек» снова будет звучать гордо.

Хотелось бы ребятам из «Суть времени» пожелать, чтобы с каждым днем всё сильнее закалялась сталь! «Суть времени» помогла мне почувствовать себя бойцом. Без этого я бы, наверное, уже была «овощем»!

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

УЗБЕК

Узбек приехал в Донбасс в конце февраля 2015 года — не мог больше пассивно наблюдать за происходящими здесь событиями. Сразу же попал в отряд СВ. Харизматичный, дружелюбный и веселый, с тонким чувством юмора. Добросовестный боец, проявляющий постоянное упорство в получении новых знаний.

Я жил в Томске, работал в фирме по переработке вторсырья. Когда на Украине начался конфликт, долгое время наблюдал за происходящим по телевизору, но потом понял, что хватит сидеть и отправился в Донбасс.

Один из основных факторов, приведших меня в Донецк, — это память: у меня дед в 1943-м Саур-Могилу освобождал. Я должен был продолжить путь, начатый дедом. Мы продолжаем писать историю и мы в ответе за все наши дела. У нас есть долг и ответственность и перед живыми, и перед мертвыми. Конечно, события на Украине очень напоминают то, что творили фашисты в далеких сороковых, поэтому бездействовать я не смог.

Из дома я выехал 22 февраля 2015 года. С того дня моя жизнь стала совсем другой. Да, другой, в прямом смысле этого слова. Уже с самого начала моего путешествия я встрял в дивную историю. Проворонил свой поезд, пришлось из Екатеринбург до Уфы ехать автостопом. Подобрал меня на дороге хороший парень, мой ровесник, Женя. Я и сейчас с ним поддерживаю связь. Тогда на прощание я ему пожелала счастья, а он меня назвал психом.

Приехал в Ростов 27 февраля в четыре часа утра. Оттуда купил билет на рейсовый автобус в Донецк и во второй половине дня прибыл на остановку «Мотель». Сразу по прибытии связался с Газетчиком.

Сначала мне было не по себе: я приехал в город, где идет война.

За мной приехал серебристый бусик, в котором сидели два небритых вооруженных бойца (как выяснилось позже, это были Хобот и Газетчик), которые с ходу сказали: «Не торопись, садись аккуратно». Я сел в машину и мы помчались на базу в Ясиноватую. По дороге мне Геня-Газетчик и Хобот устроили допрос с пристрастием: зачем приехал, что умею и т.д. Я сказал, что умею управлять рулем. Они мне ответили: «Как пройдешь КМБ (курс молодого бойца), дальше видно будет. Работы много!» Так я и познакомился с ребятами из «Суть времени».

Когда прибыли на базу, то первым, кого я увидел, был Йода — крымчанин, прокурор в отставке. Когда он узнал, что я Узбек, он сразу сказал, что очень хочет плов... Потом меня привели к Петьке. Тот меня одел, а вот с обувью тогда всё было сложно: все сапоги были больших размеров, мне достался 45-й. Я надел сапоги на портянки, но на первой же пробежке, когда я рванул, они остались на месте... В итоге я ходил в той обуви, в которой приехал.

Обстановка с первой минуты на базе мне понравилась. В первый же вечер я познакомился со всеми ребятами. Помню свой первый поход в столовую — было много людей и мало места. Кормили по-военному супом и кашей, но всегда выручала атмосфера в коллективе.

Первое мое утро на базе началось с зарядки. После нее я познакомился с Альпинистом и Сухарем (Царство им Небесное), Немо, Мамлеем, Орионом. Так как они тоже были новенькие, мы решили вместе держаться. Я влился в коллектив очень легко и спокойно.

Узбек. 9 мая 2017 г.

Узбек и Газетчик. 9 мая 2017 г.

Второй и третий день я проходил КМБ. Инструктором был Сухарь, он нам много рассказывал, многому учил. Мне было очень интересно. Узнал, что Сухарь служил в Чечне, был морпехом, пулеметчиком. Через некоторое время Сухаря забрали на позиции, и к нам пришел Ко-

лючий, вернувшийся из госпиталя после ранения. Колочий — очень классный мужик. Сразу, с первого дня, почувствовал, что он коренной дончанин, серьезный, надежный, строгий. Служба моя продолжалась дальше, многому еще нужно было научиться.

Помню свой первый выезд на Блесну. Я ехал в «Урале», дорогу не знал, но мне говорили, куда ехать, показывали дорогу. Мы приехали ночью, шел дождь. Машину поставил в ангар. Вышел из кабины и вижу «картину маслом»: стоит Техас в трусах, но в броне, и сушит над костром штаны. На английском что-то бормочет с эмоциями, однако понятно, чем он недоволен. Потом он поворачивается ко мне и говорит на ломаном русском: «Целый день дождь... штаны мокрый, я мокрый...»

Много было еще моментов, о которых помню.

Помню свою первую поездку в аэропорт в марте 2015 года. Это было незабываемо. В это же время погибли наши товарищи Сухарь и Альпинист — Леха... Жалко, очень хорошие были ребята. Что остается после них? Память. Иногда такой ком в горле и сердце рвется на части от того, что ты бессилён, что уже нет возможности вернуть всех. Надо жить. Так жить, чтобы земля дрожала. За них, за их не родившихся детей, внуков. Жить, драться насмерть с врагом и побеждать. Только так мы оправдаем смерти ушедших товарищей.

Домой пока не собираюсь. Нужно доделать дело до конца. На полпути же все не бросишь. Хочу дойти до победы, чтобы ребятам ушедшим спокойно спалось. Всем тем ребятам, которых я знал. Не забуду и не предаю их труд. Взял в руки оружие и доведу дело до конца. Пока дышу, живы и они.

На мир смотрю уже другими глазами, более взрослыми. Понимание иное, могу себя считать уже взрослым и ответственным человеком. У меня есть товарищи, которые всегда поддержат. Я без них, как без рук. Порой я беспомощен, как ребенок, а они уже рядом. Да как подбодрят. Могут еще и дать уверенного пинка неуверенно идущему.

Нужно уметь побеждать и страх, и боль. Порой так хочется всё бросить и уехать домой, прям зубы скрипят, но меня всегда тормозит осознание того, зачем я все начал. В каждом из нас огромная сила, которую никто не может сломать. Всё только в наших руках.

Альфонсо, Нина и Узбек. 9 мая 2017 г.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

АЛЬФОНСО

Альфонсо — испанский антифашист — воюет в рядах «Сути времени» с осени 2014 года. Свой позывной взял в честь Альфонсо Кано — героя колумбийского сопротивления. Принял православие. Намерен продолжать борьбу до полной победы.

Когда началась война в Донбассе, я жил в Испании. Мы, испанские антифашисты, сразу отреагировали на это событие, собирались вместе и горячо обсуждали эту тему. Мы хотели знать, что происходит в Донбассе. Мы наблюдали за новостями из Украины и видели, что нестабильность раскручивают США и Европа. Мы видели, как футбольные «ультрас» и ультраправые поддерживали переворот в феврале 2014 года. В Испании мы проводили пикеты и митинги против майдана с целью донести до людей истину о трагедии, произошедшей на Украине. Многие товарищи хотели поддержать сопротивляющийся Юго-Восток Украины.

Как раз в это время я познакомился с активисткой «Сути времени» из Мадрида, которая организовывала там антифашистские митинги. Она и связала нас с ячейкой СВ в Ростове-на-Дону. Так начался мой путь в Донбасс.

Я и два моих товарища собрали деньги и купили билеты. Но по глупой случайности я положил свой паспорт в багаж, который улетел без меня. Мои товарищи отправились в Донбасс, а я так и не смог покинуть Испанию. Лишь спустя четыре месяца, решив проблему с документами, я все-таки прибыл в Ростов-на-Дону. Там встретился с товарищами из местной ячейки «Сути времени» и провел с ними одну неделю. Посещал собрания и спортивные мероприятия, узнал больше об идеологии СВ и начал учить русский язык.

В октябре 2014 г. товарищи из «Сути времени» переправили меня в Донбасс, где я присоединился к отряду. Мы начинали службу в батальоне «Восток», в городе Ясиноватая. Именно там я почувствовал, что такое война и как она звучит. Там, в Ясиноватой, мы каждый день учились и тренировались. Большинство бойцов отряда, так же, как и я, впервые осваивали

Альфонсо. 9 мая 2017 г.

военную специальность. Но были у нас и люди с опытом, которые передавали нам свои знания, ежедневно обучали нас. Вольга, Ирис, Пятница, Злой... Поначалу было довольно тяжело и некоторые этапы этой военной подготовки проходили на пределе моих возможностей. Но со временем я всё больше вникал в курс дела. Сейчас могу с уверенностью сказать, что все полученные в тренировках навыки неоднократно спасали мне жизнь.

16 ноября 2014 года мы прибыли в аэропорт, на том этапе войны это было самое горячее место. Там наш отряд держал позиции в районе поселка Веселое и Свято-Иверского монастыря, я был снайпером. Мой последний бой в аэропорту состоялся 17 января 2015 года. Помню, наш командир Пятница поднялся на крышу «Трешки» и долго вслушивался в сторону укрепов. Было тихо, но он как будто чувствовал что-то и не доверял этой тишине...

В тот самый день я потерял троих товарищей: Пятницу, Болгарина и Белку. Я никогда не забуду их. Раньше я считал, что отправляюсь на Донбасс на какое-то относительно короткое время помогать бороться с фашизмом, на самые трудные этапы войны. Но после 17 января я решил, что останусь в Донбассе до самой победы.

Во время того боя я получил контузию и небольшое осколочное ранение лица, с ними и попал в больницу на три недели. Там меня прооперировали и извлекли осколок, который я сохранил на память.

В мае 2015 года мы перевелись в 1-й Отдельный батальон спецназначения «Хан». В качестве разведчика я побывал во многих горячих точках: Докучаевск, Зайцево, Спартак и других.

В конце марта 2016 года в Докучаевске во время выполнения задания я потерял еще одного своего командира — Двойку. Для меня это была большая личная трагедия, потому что этот командир был всегда со мною рядом и поддерживал меня.

Мы верим, что вместе сможем построить достойную жизнь в Донецкой Народной Республике — на моей новой Родине.

Бойница в «Трешке»

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ТЕХАС

Техас

Американский антифашист Рассел Бенгли, известный теперь всем под позывным Техас, присоединился к отряду «Суть времени» в декабре 2014 года. В ходе боев за аэропорт Техас показал себя хорошим, выносливым бойцом, отличным пулеметчиком. А затем он раскрыл в себе таланты военного корреспондента и присоединился к работе нашего информцентра в Донецке. Благодаря англоязычным роликам, которые выпускал Техас, в Донбасс прибывали добровольцы-антифашисты со всего мира, поступали гуманитарные грузы от американских и европейских товарищей. Познакомившись с идеологией «Сути времени», Техас понял, что оказался среди единомышленников, с которыми он готов вместе бороться за будущее всего человечества.

Когда я приехал в Донецк в декабре 2014 года, я направился в один из батальонов ополчения. Каждый день я приезжал к 7 часам утра и мне говорили, что через час со мной встретится офицер. Час превращался в «несколько часов», затем в «сразу после обеда», потом в «после ужина» и, в конце концов, около 7 часов вечера мне говорили, что офицер придет следующим утром.

Так прошла неделя, и я решил пойти в батальон «Восток». Встреча с командиром была организована через 15 минут, и после 30-минутной беседы меня приняли. Следующим утром меня взяли на базу в Ясиноватой для прохождения курса боевой подготовки. Здесь я впервые познакомился с членами «Сути времени». Я был среди новичков, в то время как уже опытные бойцы «Сути времени» каждый день отправлялись в аэропорт и на другие бое-

вые позиции. Они выглядели грандиозно, казались воинами-викингами или славянскими былинными богатырями.

Первыми, с кем я поговорил, были Альфонсо и Марс, так как мои знания русского были минимальными, а они, как и я, знали испанский. Наша беседа состоялась на кухне. Они спрашивали, действительно ли я коммунист, на что я ответил «да» и пояснил, что являюсь коммунистом со времени моей поездки на Кубу 20 лет назад. На Кубе мне объяснили, что разница между социалистом и коммунистом в том, что коммунист это тот, кто хочет сражаться за социализм. Для этого я и приехал на Донбасс.

Сперва я думал, что название подразделения было «Суд времени», которое, как мне показалось, было хорошим названием для боевого подразделения. Такое название могло внушать страх фашистам, с которыми вскоре мне предстояло сразиться. Со временем я выучил правильное название (которое тоже было классным и тоже заставляло фашистов дрожать, когда они его слышали) и стал читать больше о Кургияне, СССР 2.0, об идеях и целях СВ. Всё, что я читал, было разумно и я полностью с этим соглашался.

Я стал знакомиться с другими членами СВ во время тренировок в Ясиноватой: Газетчиком, Хоботом, Контрабасом. И также я впервые увидел наших боевых командиров: Ирису и Вольгу. Я с ними даже не поговорил, просто узнал, кто это. В Иресе чувствовалась неуправляемая сила, это природный воин, боец из бойцов. Вольга был как грозная туча, не вызывало сомнений, что он сильный и бесстрашный человек. Но могу также сказать, что по одному взгляду на него было видно, что он еще и мудр, и добр. Именно такой лидер нужен, чтобы сражаться и победить фашизм XXI века. Вольга, кроме того, немного напоминал Элвиса Пресли, который был крутым... Командиры тоже должны быть крутыми!

31 декабря на рассвете я прибыл на мою первую боевую позицию — «Трешку», «Монастырь». Я вышел из микроавтобуса напротив разрушенной церкви в цен-

тре огромного кладбища и сразу понял, что попал на настоящую войну. Также я понял, что оказался в хорошем подразделении с отличными товарищами. Я познакомился с Римом и Миром, Мангустом и Чогром, двумя итальянцами — Спартак и Архангелом, а также с Белкой, Пятницей и Болгариним. Еще там были Шука, Альфонсо, Марс и Орион.

Бои были частыми и интенсивными — каждый день и каждую ночь украинские нацисты атаковали нас с диспетчерской вышки и из нового терминала. Нас всегда было меньше, но мы упорно сражались, и нацисты всегда отступали, забирая своих убитых и раненых.

«Суть времени» не сдастся и не отступает. Этого никогда не было и не будет.

В Ясиноватой я заболел, у меня начался сильный кашель из-за дыма, пыли и холода на «Трешке». 15 января доктор батальона «Восток» приехал на «Трешку» и спросил, хочу ли я вернуться в госпиталь на базу. Я отказался. Он продолжал меня уговаривать, говоря: «Я врач». Я плохо знал русский язык и, неверно поняв его, сказал: «Да ты врешь». Надеюсь, что он не обиделся. Он уехал, но этой ночью по радиации пришел приказ, чтобы я собирался и был готов возвращаться на базу на рассвете 16 января, когда придет машина снабжения. Я подчинился приказу. Поэтому 17 января меня не было на «Трешке». Мы потеряли в тот день Пятницу, Болгарина и Белку, но удержали нашу позицию против превосходящих сил противника. Мы отбили фашистскую атаку и покарари карателей так, что они никогда этого не забудут.

На позиции «Монастырь» «Суть времени» заработала репутацию одного из по-настоящему отличных боевых подразделений армии Новороссии.

После того, как мы отбили фашистскую атаку на «Монастырь», нас перевели на позицию «Мельница». Нацисты боялись атаковать нас снова, они интенсивно обстреливали нас артиллерией. На нас обрушивалось более сотни обстрелов в день, и в конце концов укрупы попали прямо по нашей позиции. Нас защитила рука Бо-

га. Только Инженер был легко ранен, притом, что нас было поджожины в 5-метровом радиусе поражения укрупской мины.

Снова нам нужно было менять позицию. На смену зиме пришла весна, всё больше добровольцев прибывали в отряд «Суть времени». После трех месяцев в аэропорту мы передислоцировались в Спартак — на позицию «Блесна» на передней линии фронта и на позицию «Депю» на второй линии. На «Блесне» мы были окружены с трех сторон украинскими нацистами, с которыми были польские и другие европейские наемники. Мы даже слышали английскую речь по укрупским рациям. Но снова, несмотря на то, что нас атаковали практически каждый день, мы не отступали и не сдавались.

Летом 2015-го «Суть времени» перешла из батальона «Восток» в батальон спецназа «Хан». Быть в спецназе — это честь и мы ее заслужили. В 55 лет я всё еще был хорошим солдатом, но не спецназовцем. Решили, что я буду использовать свои навыки журналиста в информационной войне, потому я присоединился к информационному центру «Суть времени». Снова я познакомился с хорошими людьми и приобрел отличных товарищей — умных, честных, серьезных и целеустремленных. Газетчик, Алтай, Кот, Слон, Ишим, Студент и Румын многому меня научили. Для меня большая честь работать вместе с ними.

Мы сняли сотни видеороликов, выступали по радио, на телевидении, в газетах и журналах. Правда о Донбассе, фашизме и «Сути времени» распространялась по миру благодаря нашим усилиям и умению. От Астрахани до Аляски и до Австралии люди услышали о нашей работе и нашей цели создания СССР 2.0. И сегодня мы ближе к этой цели благодаря работе «Сути времени» в Донбассе, как и благодаря важной работе наших товарищей в других ячейках «Сути времени» по всему миру.

«Суть времени» в Донбассе шлет вам братское приветствие, товарищи! Вместе мы продолжим создавать мощное движение, новый Советский Союз и лучший мир для всех людей.

Давай!

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ПАЧИ

Пачи — доброволец из Испании. Зрелый человек, на которого можно положиться в сложной ситуации. Профессиональный военный и надежный боевой товарищ. Нам говорят, что Европа — это процветающее место, но Пачи по окончании четвертого класса был вынужден оставить учебу и пойти работать, чтобы помочь родителям прокормить семью. Ему с трудом дается русский язык, но его большое сердце притягивает и располагает к себе окружающих.

Я приехал в Донецк в мае 2015 года после того, как шесть месяцев собирал деньги на поездку. Большая часть моего народа не осознает, почему мы, интернационалисты, рискуем своей жизнью за землю, которая не наша. Для меня это было хоть и непростым, но осознанным решением, так как я из семьи коммунистов с очень сильной идеологией. Семья была репрессирована франкистским режимом. Поэтому я собрал чемоданы, попрощался с семьей и отправился на Донбасс.

Здесь я открыл для себя новое объединение, сплоченное идеалом коммунизма и борьбой с фашизмом. СВ для меня стала семьей. Это особая семья, очень сплоченная и в то же время разнообразная.

Здесь разделяют мои взгляды и отвечают на сложные вопросы: зачем нужна долгая жизнь, прожитая в лицемерном обществе, которое протестует только из-за своих личных потребностей? Зачем нужна жизнь, если мы позволим умереть достоинству?

Человек — это не машина и не зверь. Вместе у нас есть возможность менять происходящее, построить мир для всех, а не для немногих избранных. Средневековые уже давно позади, и мы уже не безграмотные крестьяне, которые должны служить своему сеньору. Теперь у нас есть инструмент, чтобы изменить этот мир к лучшему.

¡No pasarán!

ГРЕК

Грек — молодой, активный, разносторонне развитый человек (достаточно редкий на сегодняшний день тип). Одинаково хорошо строит жилье и рассуждает об истории Второй мировой, трудится на сложных станках и водит автомобиль, учит личный состав и работает со сложной документацией. За эти годы прошел путь от рядового ополченца до заместителя начальника штаба и командира отдельного подразделения. Парней из первой волны, поднявшихся в 2014-м году, осталось мало. Многие ушли. Юра остался. За ним тянутся бойцы: он пользуется неизменным авторитетом. Именно такие парни куют нашу общую победу.

*Ты хочешь возвратиться в этот ад.
Ты хочешь снова быть с друзьями вместе.
Делить последнее ты с ними рад.
В них нету фальши, нету лжи, нет лести.*

*Ты снова хочешь быть на том краю.
Сквозь расстояние кричит передовая!
Оставил ты своих друзей в бою.
Они уже не возвратятся с того края.*

*Ты засыпаешь ночью — снятся их глаза.
Ты слышишь смех и видишь эти лица.
И глупая тревожит сон мечта:
«Ах, если время бы могло остановиться!»*

Виталий Туман

Так случилось, что пришлось взять в руки оружие... Несмотря на то, что мой отец — старый военный, и несмотря на свой достаточно широкий круг интересов (историческая реконструкция, военная археология и др.), еще три года назад я и подумать о таком не мог. Дом, работа, семья, редкие вылазки на природу с металлоискателем — в общем, обычная жизнь обычного гражданина. За политической обстановкой следить времени, в общем-то, не было, да и особого интереса к политике я не испытывал.

Полигон ОБСнН. Лето 2016 г.

Грек. 9 мая 2017 г.

Все поменялось в один миг. Война для меня началась с налета украинской авиации на донецкий аэропорт 26 мая 2014 года. В то время я снимал квартиру напротив Маяка. Окна квартиры выходили на аэропорт, и картина, которая предстала моему взору, мягко говоря, заставила задуматься о происходящем. Потом начались регулярные артиллерийские обстрелы города, и насмерть перепуганную жену с ребенком пришлось вывезти в другой район. На семейном совете было решено выехать на время из Донецка, переждать ситуацию на территории России. На два месяца мы забыли о всех прелестях жизни в Донецке, но новости от родителей приходили самые тревожные, стало понятно, что война не закончится быстро. Тогда я принял решение ехать домой, о чем и сообщил жене, и ее спокойствие меня, честно говоря, поразило. Ее ответ был однозначен: «Я знаю, куда ты едешь и зачем. Отговаривать тебя бесполезно — мы едем с тобой».

Так в октябре 2014 года, собрав нехитрые пожитки, которые поместились в старый отцовский вещмешок, и подпоясавшись отцовским же ремнем, я двинулся в сторону базы батальона «Восток», предварительно созвонившись со старым товарищем, который в то время служил в отдельном взводе автоматических гранатометов. Там я познакомился с первыми боевыми товарищами: командиром взвода Герой, позже погибшем при обороне поселка Спартак, санинструктором Тринити, бойцами Корнем, Медведем, Торином.

После нехитрой подготовки — первый боевой выезд, первый обстрел и понимание факта, что для того, чтобы правильно, эффективно воевать, да и просто выжить, нужно учиться и еще раз учиться. Так у меня появились первые учебники по военному делу и желание разобраться во всем и сразу. К сожалению, тогда не было ни времени, ни материальной базы, так как жить приходилось на передовой безвылазно. Но, несмотря на то, что окопный быт мало располагает к нормальному обучению, пытался осваивать то оружие и приборы, до которых мог дотянуться.

Ударом для меня было расформирование взвода, связанное с реформированием структуры бригады «Восток», осознание того, что командир — уже не командир, да и пацанов скоро раскидают по разным подразделениям. Но бросать всё и уходить из ополчения, как это сделали другие, совсем не хотелось. Появилась мысль о том, что надо искать, где воевать дальше. На помощь, как всегда, пришел теперь уже бывший командир — Гера: «А не хочешь ли ты, Грек, присоединиться к отряду СВ?»

Отряд уже тогда имел репутацию серьезного подразделения, в которое просто так не попасть. Я с радостью согласился.

Одним из первых людей из отряда, с которым я познакомился, был Контрабас, впоследствии — человек, который, можно сказать, дал оружие в руки и вложил знания в голову, строгий учитель и старший товарищ по совместительству. Он провёл с нами — а нас на тот момент было трое — маленькое собеседование на тему, кто что знает и умеет. Я честно признался, что мало знаю, мало умею, но его это почему-то не смутило. С течением времени я понял, почему. Ведь на тот момент у отряда была своя тренировочная база, люди, которые целенаправленно занимались подготовкой личного состава, учебники, пособия, плакаты, была выстроена система обучения, чего на начало 2015 года не было ни у кого, ну или почти ни у кого...

Попав в учебку, я оказался в руках Колючего — здорового строгого дядки. Самое точное его описание можно взять, процитировав одну из старых армейских песен (исключив, конечно, строку про «вора, бандита и сатану»):

*Это ротный старшина
(Вор, бандит и сатана).
Он тебе заменит маму,
Выдаст каску и панаму,
Правда, лучше бы, сын мой,
Ты считался сифотой.*

Правда, долго в учебке пробыть не получилось, после второго выхода на стрельбы Колючий задал мне риторический вопрос: «Парень, а что ты забыл среди новобранцев?» Так, спустя пять дней, я выехал на передовую уже как полноценный боец отряда СВ. А потом было всего много и разного: обучение минометному делу у Контрабаса, первые выезды с тяжелым оружием, бесчисленное количество позиций по всей линии соприкосновения, кубометры выкопанной земли, сотни гранат и мин, выпущенных по противнику, десятки товарищей, которых уже не вернуть...

За три года войны мы приобрели огромный опыт, прошли бесконечное количество дорог, выполнили множество задач, нанесли немалый урон противнику, воспитали своих специалистов. Много это или мало — время покажет. Самое ценное, что я приобрел за эти три года, — это люди, которых можно считать настоящими Друзьями (именно вот так, с большой буквы), которые готовы с тобой стоять спина к спине в бою и не дадут скучать на привале. За эти годы я усвоил твердо — наше дело правое и мы обязательно победим!

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

ГАСАН

Гасан, несмотря на серьезный жизненный опыт и возраст, постоянно стремится узнать что-то новое. Наверное, это отличительная черта всех, кто занимался геологией. Вот и наш товарищ много где побывал и много чего видел. Еще в Союзе работал на нефтяных месторождениях Севера. Потом вернулся в родной Донбасс, работал таксистом, механиком, колористом. Имея за плечами два инсульта, не смог со стороны наблюдать за происходящим и вступил в ополчение. В отряде «Суть времени» с весны 2015 года.

Взять в руки оружие меня побудили слова Арсения Яценюка о необходимости проведения на Донбассе насильственной украинизации. Я считаю себя русским по духу, поэтому и решил сопротивляться этим фашистским проявлениям. В ополчение записался еще в апреле 2014 года. Тогда было всё равно, куда идти служить. Кстати, позже эти списки, в которых был и я, попали в интернет.

В отряде СВ оказался в апреле 2015 года. Был распределен в батарею к Контрабасу. Коллектив только набирался, в нем уже были Колоно, Фрол, Тракторист и Химик.

Меня поставили механиком-водителем на самоходном артиллерийском орудии «Нопа». Теоретический курс нам прочитали на 5-й базе «Востока», а Тракторист обучил практическому вождению. Управлять научился сходу, как по мне — отличная машина.

Сразу после обучения начали выполнять боевые задачи. Воевали на спартаковской промке (промзоне), Веселом, «Вольво-Центре». Параллельно наш командир батареи, Контрабас, обучал военным наукам. Он хорошо объясняет, умеет учить. И вообще, в СВ нормальные мужики, только не пьют (*смеется*).

Запомнился случай, когда на спартаковскую промку поехали я, Контрабас, Ирис и Колоно. Были на уазике (его еще называют «таблетка»), я за рулем. Контрабас с Ирисом уехали на Веселое. И буквально минут через 5, примерно в 18:00, началось наступление укропов, с задействованием БМП и двух БТР. На наших позициях у бойцов были автоматы АК-745, 45-мм и много боеприпасов к этим ним, а у нас с Колоно — 7,62-мм АКМ и к ним по три снаряженных магазина и больше ничего. Можно стрелять вместе со всеми, но что потом делать, когда патроны закончатся? Так что мы берегли свои патроны и набивали магазины для тех, кто стрелял (иногда и таким образом чувствуешь в бою). Где-то в 22:00 укропы притихли.

Через полчаса вернулся Контрабас и спросил меня: «С выключенными фарами сможешь ехать?» Я ответил, что смогу. При свете луны дорогу было видно. Подходим к уазу, а в нем шесть дырок и два колеса пробито. Запаски, как обычно, нет. Делать нечего, распределили дежурство, легли спать. В 1:00 новое наступление укров. Снова пришлось патроны беречь, стреляли в крайних случаях. Когда в 4:00 наступило затишье, опять легли спать. К 9:00 привезли колеса, и мы оттуда уехали. Подобных историй было много. Горячо бывало часто.

Мне очень нравится, что в отряде люди друг друга не бросают. «Суть времени» борется против фашистов, а значит мне с ними по пути. А еще я разделяю их основную цель — воссоздание большого сильного государства, СССР 2.0. Думаю, что война закончится нескоро. Мы будем сражаться плечом к плечу, защищая нашу Родину.

ЩУКА

Щука — верный товарищ и отличный боец. До войны жил в Макеевке. Пришел в ОТГ СВ в августе 2014-го, быстро и с большим желанием осваивал новые виды вооружения и военные специальности. Никто никогда не слышал от него каких-либо жалоб или нареканий на тяготы службы, хотя ему часто доставались трудоемкие и сложные участки работ.

17 января 2015 года Юрий-Щука, находясь на позиции «Трешка», активнейшим образом участвовал в ее обороне. Молниеносно перемещаясь между бойницами, создавал видимость многочисленности обороняющихся. После изнурительного многочасового боя именно Щука снял знамя «Сути времени» с крыши разрушенной позиции.

Поздней весной 2015 года Щукарь — так любовно называют его товарищи — перешел с «Сутью времени» в батальон «Хан». Освоив новую для него специальность сапера, выполнял самые сложные задания под командованием Ириса, за что не единожды был награжден.

Год назад Юрий получил тяжелейшее ранение. Побывав в коме и перенеся уже 19 (!) сложнейших комплексных операций, он не упал духом и стремится поскорей вернуться в строй. Находясь на больничной койке, живет подразделением. Переживает, когда кто-то получает ранения, скорбит, когда товарищи несут потери. А товарищи из «Сути времени» — и не только те, кто находится рядом, в Донецке, но и со всей России — радуются каждому его «шажку» на пути к выздоровлению. И верят в благополучный исход.

Юра, братик, для тебя всегда будет место в нашем строю!

Что меня толкнуло пойти воевать? Как-то утром я проснулся и включил новости. Это было 2 мая 2014 года. Показывали, как в Одессе заживо жгут людей. Мне так обидно стало — ясно было, что фашисты приходят к власти. Захотелось что-то сделать для того, чтобы они не пришли к нам в Донбасс...

Я прослужил в батальоне «Восток» около месяца, когда мой друг посоветовал пойти в отряд «Суть времени», сказал: там нормальные ребята, серьезные командиры. Меня перевели в отряд СВ, где я познакомился с Вольгой. В отряде я поступил в распоряжение к Пятнице. Запомнилась первая встреча с Пятницей: он притягивал к себе, располагал, не было никакого высокомерия, сразу начал общение с позиции товарища. Естественно, я сразу проникся доверием к нему.

Дальше — тренировки, учения; изучали и приводили оружие к нормальному бою.

Щука

После подготовки пришел приказ, и нас отправили в аэропорт на передовую. Большею частью ехали необстрелянные ребята, для которых этот выезд на передовую был первым. Осень, холодно... Ехали на машине с открытым тентом. Молча, сосредоточенно. Доехали до улицы Стратонавтов, где и начиналась передовая. Высадились из машины и начали передвигаться к позиции «Монастырь» («Трешка»). На позиции мы устраивали укрепления и укрытия под руководством командиров Ириса и Пятницы: строили блиндажи, укрепляли окна, делали бойницы. Мерзли, сильно уставали.

Утром 17 января 2015 года украинские войска неожиданно начали атаку. Мы увидели в бойницу танк с украинским флагом, движущийся метрах в тридцати от нашей позиции. А у нас только один «Утес», один АГС и автоматы — вот и всё наше вооружение на тот момент.

Вражеский танк начал бить прямо по бойнице, за которой стоял наш «Утес», и сразу вывел его из строя. Пятница дал команду отойти в глубь здания, и в это время раздался очередной выстрел. Ранено жгут на бедро. Оттащили его в глубь здания. Пятница продолжал управлять боем.

Потом контузило и ранило в голову Фельдшера. Бой продолжался... Многие были ранены и получили контузии. Мы стреляли с разных точек, чтобы создать видимость, что нас много. Приходилось постоянно менять позиции,

бегать с одного этажа на другой... Бой длился долго, несколько часов, но время летело незаметно. Связь с Вольгой, командиром подразделения, держали по радиации, постоянно передавая ему информацию.

В ходе боя на «Трешке» неожиданно появился один из наших бойцов — Белка (до этого он был на другой позиции). Прошел через самый обстреливаемый участок... До сих пор удивляюсь, как ему удалось пройти! Потом он начал вести огонь из дверного проема. Его убило сразу выстрелом в голову. Я оттащил его в укрытие, а затем оттащил пулемет...

Другой наш боец — Болгарин, когда бой только начался, побежал к АГС и начал стрелять из него. В это место прямой наводкой выстрелил танк. Болгарина откинуло взрывной волной со второго этажа на первый по ступенькам. Подбежали к нему... Болгарин сказал, что не чувствует ногу... Оттащили его в более спокойное место, оказали помощь... Через некоторое время Орион кричит: «Болгарин не дышит!» Я подбежал, потрогал — он уже холодный был...

Пятница командовал боем до конца, пока не начал периодически терять сознание. Когда бой был уже закончен, мы вытаскивали его через окно на БМП. По дороге в больницу он умер. Справедливый был командир, наравне с солдатами делал всю работу... Горжусь, восхищаюсь им. Берег своих солдат. Больше заботился о нас, чем о себе...

Флаг на «Трешке». 17 января 2015 г.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

МОРСКОЙ

Морской — житель Донецка. Пришел в отряд «Суть времени» в ноябре 2014 года. Один из тех, кто принял 17 января 2015 года бой на «Трешке». В ходе боя огнем из снайперской винтовки уничтожил пулеметчика противника. В дальнейшем в ходе службы готовил расчеты для крупнокалиберных пулеметов. Параллельно с этим овладел в совершенстве несколькими военными специальностями. На Морского можно положиться как на надежного товарища в самом широком спектре проблем и вопросов.

Морской

До войны я окончил металлургический техникум, потом отслужил на украинском флоте. После окончания службы занялся оптовой и розничной торговлей овощами. Мой небольшой бизнес начал приносить доход и развиваться. В скором времени у меня уже были две торговые точки. Одна на Крытом рынке, вторая на Путиловском. Жизнь шла своим чередом. Работа, дом, обычные житейские радости... Но потом всё изменилось. В наш край пришла война. Нача-

лись обстрелы города. Люди в спешке покидали свои дома. А я, еще не осознавая до конца всего происходящего, продолжал работать.

14 сентября 2014 года сам попал под обстрел. Для меня это был мой обычный рабочий день. Я работал на Путиловском рынке, когда раздались взрывы. Своими глазами я увидел, как ВСУ нанесли повреждения нескольким жилым домам, была раз-

рушена дорога. Моя овощная палатка сгорела дотла. На моих глазах погибли люди...

Гибель людей перевернула всё во мне. Я понял, что больше жить так, как живу сейчас, не могу. Просто отсиживаться в стороне и делать вид, что ничего не происходит, больше нет сил. Я начал прокручивать в голове все последние события, произошедшие в моей жизни. Увидел, наконец, что город опустел — население

массово покинуло Донецк. В тот момент я принял для себя решение, как и что делать дальше. Закрыв текущие вопросы и собрав необходимые вещи, я отправился записываться в ополчение.

В октябре 2014 года я со своими нехитрыми пожитками пришел на «четверку» (обиходное название 4-й базы), в батальон «Восток». Там я попал сначала в учебную роту. После того, как я пробыл там непродолжительное время и хорошо себя зарекомендовал, командир учебного подразделения Чика спросил у меня, куда я хочу идти дальше. Я честно ответил, что хочу попасть в отряд СВ. Потому что знал, что это отряд с отличной подготовкой и слаженным коллективом, ну и самое интересное тоже происходило там. Слава о Вольге и Иресе шла впереди них. Чика с улыбкой меня выслушал и одобрилительно качнул головой.

На следующий день на базе в Ясиноватой состоялось мое знакомство с Вольгой. Командир спросил у меня: «Зачем ты сюда пришел?» Я ответил: «Защитить свой дом!» Вольга улыбнулся и, хлопнув меня по плечу, сказал: «Молодец, боец!» Шел ноябрь месяц.

Через пару дней я уже прибыл в аэропорт. Там я познакомился с Ирисом. С тех пор для меня отряд и командиры стали настоящими товарищами и старшими братьями. Я многому научился, пока жил и воевал вместе с ребятами.

ФРОЛ

Фрол приехал в Донбасс из России летом 2014 года. В свое время, пройдя срочную службу в Российской армии, остался на контрактной службе. Был артиллеристом, командиром боевой машины, затем вышел на гражданку. В Донецке вступил в отряд «Суть времени», который в то время входил в состав бригады «Восток», а затем вместе с ребятами перешел в батальон «Хан». За годы войны в Донбассе Фрол прошел путь от рядового до замкомандира роты, освоил в совершенстве специальности от пулеметчика и механика-водителя до командира минвзвода, побывал в самых горячих точках — в Саханке и Донецком аэропорту, в Зайцево и Гранитном, на авдеевской промзоне, на западных рубежах Донецка.

События весны и лета 2014 года изменили мирное течение жизни. Обстрелы городов, убитые женщины и дети, расстрелянные колонны гражданских, спасавшихся от огня ВСУ... Собрал вещи, завершил текущие дела, и, никому не сказав, отправился в Донбасс воевать с украинскими фашистами.

В Донецке пришел на базу батальона «Восток», а оттуда меня отправили в учебную роту, в Ясиноватую. После того, как продемонстрировал свои навыки в обращении с оружием, быстро попал к Чике, командиру учебки. Чика и предложил мне перейти в отряд СВ, который к тому времени находился в процессе преобразования в ряд подразделений: 10-ю роту, минбатарей и разведвзвод 3 батальона бригады «Восток». В выборе пути для меня очень мно-

гое определила служба в армии, поскольку готовых артиллеристов у нас не было вообще. В ту же ночь одетый, обутый, экипированный и даже с лишней парой магазинов от Колючего, я на машине Газетчика и Буржуя уехал на передовую. Довольно быстро меня назначили одним из командиров позиций в бывшем поселке Веселое.

На Веселом, несмотря на название, весело не было. Украинские войска вели постоянные обстрелы, почти каждую ночь горели то один, то два дома. В поселке не было ни воды, ни света, ни канализации. Жить под огнем в таких условиях — удовольствие невеликое, тем не менее, крепкий подвал давал шанс увидеть завтрашнее утро.

Но всё же иногда украинская артиллерия замолкала и тогда бойцы выходили на разведку местности. Во время очередной разведки в подвале сгоревшего дома мы обнаружили баню. А что может быть лучше, чем баня, в холода, да еще и когда помыться удалось крайний раз в прошлом месяце! Починив стены, мы натаскали дров и воды, нагрели печку. И вот по поселку уже идет группа лиц в тапочках и в простынях, но при этом с оружием, в касках и бронезилетах. На недоуменный окрик соседей: «Пацаны, вы куда?» — группа отвечает: «В баню!» На вопрос, какая может быть баня на передовой, следует ответ: «Русская, мужики, русская». Эту ситуацию мы потом долго вспоминали со смехом.

Из Веселого я и еще семеро бойцов отряда уехали в бригадную артиллерийскую группу учиться сложной науке артиллерийской стрельбы, благо к тому времени у нас уже появились минометы. Минометам остро требовались грамотные расчеты, командиры, наблюдатели. Далеко не все, кто приходил в ополчение, становились грамотными бойцами, было и наоборот. Один из обучавшихся просто сбегал с войны, рассказав, как ему нужно домой и как он вернется вскорости. Второй — напился, напал на патруль и попал на гауптвахту. Поэтому оставшимся при-

шлось осваивать смежные специальности. Я выучился тогда на механика-водителя.

Потянулись будни войны — много работы и мало стрельбы. Слабое снабжение боеприпасами батальон пытался компенсировать, как мог. Особенно страдали минометчики, ведь состояние мин было ужасным, как-то раз, во время стрельбы, из 21 штуки вылетела всего одна, у 20 штук просто не сработали вышибные заряды. Это было связано с условиями их хранения, но и тут солдатская смекалка нашла выход — мы занялись переснаряжением основных зарядов. После переснаряжения срабатывало не менее 80% мин. Наша позиция работала день и ночь, ведь процесс переснаряжения небыстрый и трудоемкий. В то же время мы не желали мириться с ситуацией, которую застали на передовой линии в Веселом, — провели себе свет, наладили баню, организовали закрытые огневые позиции.

С февраля 2015 года после учебы началась боевая работа на новом уровне. Наши наблюдатели заняли передовые позиции и вызвали огонь поддержки, который незамедлительно призывал украинских вояк к соблюдению мирных соглашений. Приходилось успевать везде. Мы с бойцом Колено и корректировали огонь, и учили новичков, и стреляли, и учились сами.

Как-то уже после того, как 10-я рота заняла новые позиции в районе поселка Спартак, мы с Колено наводили 82-мм минометы на вражеских снайперов в районе вентиляционного ствола шахты «Бутовка». На тот момент позиция наблюдателей была только одна, противник ее хорошо знал и регулярно обстреливал из всех видов стрелкового оружия. Находиться на ней было очень опасно, постоянно свистели пули, часто прилетали гранаты из РПГ-7 и СПГ-9. Верхнему этажу доставалось очень сильно. Несколько ребят из смежного подразделения там ранило, одного тяжело. И вот во время идущего боя, передавая разрывы наших мин по ра-

ции, я вдруг потерял равновесие — это Колено оттащил меня с точки наблюдения. Тут же в то место, где я только что сидел, прилетела граната, которая выбила мешок с песком к ногам ребят.

Такие вещи в боях происходили часто и просто случайностями их не объяснить. Например, одна мина пробила крышу дома, потолок, пролетела через комнату, полную бойцов, и взорвалась на улице. А ракета системы «Град» застряла своей головной частью прямо над кроватью Чогра, в тот момент работавшего на рации. Кто хранил наших бойцов? Ответ у каждого свой.

В боях за окрестности аэропорта наш отряд серьезно потрепал украинских карателей из нацбатов, на этом участке фронта стало значительно спокойнее.

В мае 2015, с формированием армии республики, мы перешли в батальон «Хан». Здесь реализовалась моя давняя мечта — я стал разведчиком. Мы участвовали в отражении атак врага на всей линии соприкосновения, вели разведку в тылу противника.

Как-то вместе с группой, в которую я входил, пошел на выполнение задачи один из местных солдат. Проходя по еще вчера разминированной тропе, боец сорвал растяжку и в сторону группы сработала украинская противопехотная мина МОН-50. Счастьем было то, что направленный заряд мины прошел по касательной, группу не задело, если не считать легких контузий. А вот у добровольного разведчика была тяжелейшая черепно-мозговая травма, он потерял много крови. К счастью, его удалось спасти, через некоторое время он снова вернулся в строй.

В перерывах мы безвылазно жили на полигоне, тренировались, занимались огневой подготовкой, тактикой, медицинской и так далее.

Сейчас я служу в одном из разведподразделений армии ДНР в должности заместителя командира роты. Впереди много работы — война не окончена.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

СОВА

Сова пришел в ополчение летом 2014 года. В совершенстве владеет рукопашным боем. Сапер. Как инструктор подготовил десятки разведчиков и саперов. За три года выполнения боевых задач (в том числе под Дебальцево) награжден тремя медалями «За боевые заслуги» и орденом «За ратную службу». Верит в творческую природу человека, сам очень харизматичен. С ним хотят работать, перенимать его опыт.

Я пошел воевать с бандеровской хунтой, чтобы дети могли говорить на русском языке. Принял решение бороться с оружием в руках после геноцида русских 2 мая в Одессе.

Позывной «Сова» выбрал потому, что сова прекрасно маскируется, хорошо видит в темноте и обладает перышками-гасителями для бесшумного полета, что мне очень помогает при разведке и разминировании.

Мой дядя прошел Великую Отечественную войну в инженерных частях. В моем детстве мы с дядей, заготавливая дрова для отопления дома, нередко занимались разминированием оставшихся после войны немецких мин, среди которых по сложности выделялась Springenminen-35 — прыгающая, шариковая мина. Я такую мину умел обезвредить уже к 12 годам.

У саперов работы в Донбассе непростой. Кроме выполнения боевых задач, готовлю инструкторов. Необходимо привить новобранцу в короткие сроки ряд качеств. У него должно быть определенное состояние психики и хорошее чувство стра-

Сова. 9 мая 2017 г.

ха, ведь если ты сосредоточенно сработал и одолел одну ловушку, то это состояние не должно притупляться и на «триста первом» задании. У сапера нет права на ошибку. Специалисты минно-взрывного дела понимают, на какой риск идут, это люди определенной породы, всегда стоящие на переднем крае, ведь сапер ведет за собой группу.

Что касается отряда СВ, считаю, что нам очень повезло с командирами: Вольгой, который обладает очень редким человеческим качеством — умением сплачивать коллективы, и Ирисом — жестким, но справедливым человеком, отличным специалистом, с которым мы в связке не только решали боевые задачи, но и разрабатывали различные минно-заградительные устройства.

Один из лучших моих учеников — Руян. Лишившись зрения во время разминирования, он захотел продолжить службу. По его поводу министр обороны ДНР дал специальное указание. Воля Руяна и его профессиональные навыки оказались выше страшного недуга. Сейчас он работает инструктором. Я знаю, что его опыт спасет еще не одну жизнь и особенно жизни детей.

Мы много работаем со школами, проводим уроки безопасности — знакомим детей с внешним видом различных мин и взрывных устройств, разъясняем, как нужно вести себя при обнаружении ловушек. Это очень важно. Мы с дядей в начале семидесятых годов разминировали немецкие мины, оставшиеся со времен Великой Отечественной. Так и теперь: после окончания нынешней войны нам придется очищать землю Донбасса от мин украинских карателей еще минимум десять лет.

КОЛЮЧИЙ

Колючий — один из первых местных ополченцев, вступивших в августе 2014 года в ряды только что сформированной Отдельной тактической группы «Суть времени». Отличный солдат и командир. За что бы он ни взялся, всё делает основательно. Спроектированные и построенные им инженерные сооружения (позиции) надежны и безопасны. Несмотря на немалый возраст, после ранения, контузий, переломов, перенесенного микроинсульта продолжает службу в вооруженных силах ДНР.

— Костя, как ты попал на войну, чем ты занимался до нее?

— Я в течение 25 лет проработал подземным электрослесарем на шахте. Когда к нам пришла война, мне до пенсии оставалась пара месяцев. У меня были определенные обязательства перед женой — я должен был оформить пенсионные документы. И вот, закрыв все вопросы на гражданке, я попал на «четверку» — главную на тот момент базу «Востока».

— Почему именно «четверка», почему «Восток»?

— Мой друг детства, Олег, был начальником штаба «Востока». Я еще работал, а он уже воевал. Иногда он просил

сделать ножи для ребят, штык-ножей тогда не было. А совсем без ножа на войне сложно обойтись. Делал не сильно красивые, но добротные: клинок, рукоятка — всё качественно и надежно, из хороших материалов.

Помню, как впервые увидел командира Вольгу... Здоровый такой мужик. Олег перекинулся с ним парой слов, и, подозревая меня, говорит: «Вот, знакомься — твой новый командир». Потом шутливо добавляет: «Ну, братишка, ты там и курить бросишь». Курить я не бросил, но изрядно похудел — тренировки Вольги были изнурительные (смеется).

— Что тебя вынудило пойти воевать?

— Эти новорожденные «нацики» хотели убить во мне русского. Я этого не хочу! Я горжусь тем, что я русский! Хотя я по паспорту и украинец, но все мы братья-славяне — древляне, вятичи, чуды, поляне, угличи, галичи... Я всегда восхищался подвигом не просто русского, а именно советского народа в Великую Отечественную войну. У меня дед погиб под Сталинградом... Что это за цель такая — войти в Европу? Я тут хочу Европу сам строить. Вообще-то УССР была одна из самых богатых республик Союза. Я был против развала СССР. Спорил с друзьями и сослуживцами: «Этого не надо делать, мы в очень нехорошем месте окажемся!» У меня никогда не было ненависти к СССР. Да, я в свое время ненавидел тех, кто «стучал» на соседа ради его жилплощади. Тех, кто в партию шел ради привилегий в то время, когда

настоящие коммунисты здоровье и жизнь отдавали за страну. Сталин, правда, у меня не был в почете... Но увидев происходящее в Украине, я вдруг понял: иначе — нельзя. Либо жесткие меры, либо развал страны и намного больше жертв...

— Кем ты себя видел на этой войне?

— Я шел и не думал о том, вернусь ли я... Но мне не было страшно. А вот сейчас — другое дело. Это связано с ответственностью, которую я взял на себя (Колючий — один из командиров подразделения). Теперь от моих решений зависит многое, от них зависят жизни людей. Сейчас я хочу обязательно выжить для того, чтобы победить и людей сохранить.

— Какие события особо запомнились?

— Помню, раз проснулся от разрыва мины, а фасада здания, где мы находились, уже нет. Или греемся мы возле печки с чашкой чая и наблюдаем, как мина пробивает крышу и вылетает в окно, и только после этого взрывается. Нам пришлось за три месяца три раза оборудовать новые позиции, так как предыдущие просто «ровняли с землей».

— Запомнилось, как Аккорду жизнь спас?

— Запомнилось не то, как жизнь спас, а то, почему это произошло. Я ведь всё время менял пути подхода на пост, дабы не попасть под мины, которые укропы «клали» по основным дорогам. Менял время смены постов. Они же тоже за нами наблюдают. В тот раз Аккорд нарушил приказ идти на пост огородами. Зима, на-

липающая на обувь грязь, развалины, заборы — всё это сильно осложняло передвижение. И он пошел по обычной дороге, по легкому пути.

У меня было какое-то предчувствие. Потому, услышав слово «прилет» (означающее разрыв мины), немедленно запросил Аккорда и Гудвина по рации. Они не вышли на связь. Я всё понял и побежал, сломя голову, именно по опасной дороге, где и нашел их ранеными. У Аккорда было тяжелое ранение — перебита бедренная артерия. Средняя продолжительность жизни здорового человека при таком ранении составляет 5 минут. К счастью, у меня с собой было кровоостанавливающее средство «Целокс», присланное товарищами из российской «Суть времени». Это средство и скорость, с которой Ирис примчал на машине, спасли Аккорду жизнь. Вообще, то, что у нас, по сравнению с другими подразделениями, самые низкие потери, это — заслуга Вольги и Ириса.

— Что тебе особо запомнилось из общения с ними?

— Часто вспоминаю, как вначале я настойчиво пытался предложить свое решение той или иной задачи, вмешивался со своими советами. И однажды, на очередное мое «рацпредложение», Ирис ответил: «Был бы я сейчас в шахте, там бы я тебя слушал безоговорочно». Эта фраза заставила меня пересмотреть мое отношение к войне и себе...

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

АККОРД

Аккорд — молодой парень из Донецка. Пришел в отряд СВ осенью 2014 года. После учебки попал вместе с отрядом в район донецкого аэропорта. Был тяжело ранен почти сразу после нового 2015 года. И только благодаря своевременной помощи Колючего, Ириса, других ребят — выжил. После тяжелого ранения и длительного лечения передовую Саше пришлось оставить, но он по-прежнему в строю, работает в одном из гражданских учреждений Республики, связь с СВ не теряет.

— Саша, расскажи, пожалуйста, как ты пришел в ополчение и как попал в отряд «Суть времени».

— Когда я попал в отряд СВ, мне было 19 лет. Это было 10 октября 2014 года. Я вступил в ополчение, в бригаду «Восток», и первым делом меня направили в учебную роту. Первую неделю с нами занимались инструкторы непосредственно на базе бригады в Донецке, а потом мы поехали в Яси-

новатую. В одном здании с учебной ротой располагался тогда и отряд «Суть времени». До этого момента я ничего не знал ни о «Суть времени», ни об этом отряде.

На призыв добровольцев для захода в аэропорт откликнулся я и еще двое парней, вместе с которыми мы проходили учебу. Так я попал в отряд «Суть времени».

Отряд мне понравился сразу. Он был хорошо экипирован, бойцы были хорошо подготовлены. К подготовке в отряде относились серьезно, хорошо помню, как нас подтягивал по тактике, по знанию и умению обращаться с оружием товарищ Марс. Я до сих пор считаю отряд СВ образцом для подражания другим подразделениям.

Я слышал, что в некоторых подразделениях давали не больше двух недель на подготовку и кидали в бой, доучивались уже на месте. В нашем же отряде ни времени, ни сил для тренировок не жалели. Я много чему научился у Марса и Мангуста.

— Что можешь сказать о людях, с которыми служил?

— В отряде были хорошие командиры. Я с большой благодарностью вспоминаю Пятницу, отличный командир и замечательный человек. Он, скажем так, чувствовал каждого бойца действительно как своего близкого, как какого-то родного.

Он понимал людей. Командиром он был просто от Бога. Всегда мог трезво оценить ситуацию, мог найти общий язык с каждым. Он был веселым, жизнерадостным. Пятница для меня останется образцом для подражания на всю жизнь.

— Что с тобой случилось в аэропорту?

— Закончил я воевать 4 января 2015 года, меня тогда ранило в аэропорту 82-мм миной. Мы с Гудвиным вышли на позиции, на смену. Был обстрел — неплотный, одиночными. Мы вышли, двигались к позиции «Уши». Нормальный человек при обстреле никуда не пойдет. Но на передовой ты постоянно находишься под бомбежками. А когда в тебя стреляют 24 часа в сутки 7 дней в неделю, ты к этому всему привыкаешь. Инстинкт самосохранения работает 2–3 дня. Ты пригибаешься от пуль, от мин, ложишься на землю. А потом привыкаешь, у тебя в каком-то смысле отключается базовый инстинкт самосохранения.

— Расскажи о каком-нибудь запомнившимся тебе моменте.

— Трудно было, но были и веселые моменты. Об одном из них я никогда не забуду. У нас было радио на батарейках, электричества же не было, одна рация

настроена на вражескую волну, то есть мы слышали переговоры правосексов. И частенько в эфире появлялся корректировщик, он наводил на позиции, где мы находились, мы слышали, как он корректирует на нас. То есть снаряды приземляются, и мы слышим, как он корректирует. Он говорит: «20 метров левее» — приземляется ближе к нам. Он говорит: «Еще 10 метров левее» — еще ближе к нам...

Когда летят снаряды, чтоб вы понимали, ты себя чувствуешь как бы пауком. Вот когда паука ногой давишь — он же ничего не может сделать против твоей ноги. Так и ты в тот момент себя так чувствуешь, каким бы ты сильным, смелым ни был, будь ты хоть шкаф под два метра ростом. Когда снаряд летит, ему всё равно, кто ты. Тебе остается только вжиматься в землю и молиться, чтоб он пролетел мимо, не попал.

Так вот, у нас была рация, и укрытия были всё ближе, ближе к нам. Мы слышим, как укрытия наводят, и потом мины приземляются всё ближе и ближе. А по радио в это время заиграла песня из фильма «Титаник»... У нас там был товарищ Тур, он и говорит: «Пацаны, идем ко дну!» Этот момент очень ярко запомнился. Бомбежка, мы на волосок от смерти, по радио играет песня из «Титаника», и всем дико смешно.

ИРБИС

Ирбис — местный ополченец, в отряде СВ с августа 2014 года. Замечательно занимался обеспечением отряда, начиная от ремонта любой техники и заканчивая стройматериалами для оборудования позиций. Освоил специальность гранатометчика, а в дальнейшем стал минером высокого уровня, заместителем командира взвода. Сейчас он сотрудник МЧС ДНР, занимается поиском и уничтожением неразорвавшихся снарядов и мин, выпущенных ВСУ по гражданским объектам Республики.

— Ирбис, расскажи, пожалуйста, о себе. Как ты стал военным и как попал в отряд СВ?

— До войны я работал в Макеевке на Метинвесте — коксохимическом заводе. 16 августа 2014 года... Эта дата стала переломной в моей жизни. К нам на завод пришли ребята из СВ: Памир, Марс и другие. Они выступили с призывом о помощи молодой республике. После этого выступления их слова еще долго не выходили из головы. Снова и снова я пропускал каждое слово через себя. Спустя два дня во мне созрела уверенность в том, что надо делать дальше. Желание уберечь свою землю от украинских фашистов, защитить свой родной край заполнило всего меня. Быстро решив все житейские вопросы, я собрал свои вещи и приехал на базу Отдельной тактической группы «Суть времени» (ОТГ СВ) в Ясиноватой.

Первым человеком, с которым я познакомился, был Ирис. Он мне показал, как приводить оружие к нормальному бою, и предложил вступить в ОТГ СВ. В дальнейшем этот человек обучил меня всему, что я умею, и стал для меня не просто командиром, а мудрым старшим товарищем.

Взрывчатка

На базе в Ясиноватой занятия с нами проводили Вольга, Пятница и Ирис. Мы изучали тактико-специальную и огневую подготовку. Почти никто не служил в армии. Я-то как раз служил, до сих пор гордо ношу берет цвета неба и тельняшку, но многое пришлось наверстывать, поскольку новостребованные знания забываются.

Спустя некоторое время Злой, один из инструкторов, предложил изучить гранатомет РПГ-7. Я с радостью и интересом согласился. Мои эмоции при виде гранатомета всегда зашкаливали. Когда на занятии Злой показал, как правильно прицеливаться и стрелять, я за ночь изучил руководство по эксплуатации РПГ-7. На следующий вечер я сдал экзамен по теоретической части и практической стрельбе Ирису и Злому. На очередной вечерней проверке Ирис в первый раз похвалил меня и пожелал, чтобы я и дальше проявлял такое стремление к учебе.

С тех пор я начал совершенствовать свои навыки в стрельбе из гранатомета. Поначалу многое не получалось, но я твердо решил для себя стать профессионалом. Дни, а порой и ночи, на Ясиноватой проходили в непрерывной учебе и тренировках.

Первое боевое крещение под руководством Ириса я прошел в Пантелеймоновке в конце сентября 2014 года. В первую ночь, которую я провел в лесополосе Пантелеймоновки, нас обстреливали из 120-мм минометов. Казалось, еще чуть-чуть и мины разорвутся совсем рядом. Но в панику я не впал, появилась еще большая уверенность в правильности моего выбора. На следующий день поставили боевую задачу — охранение нашей бронетехники. В охранение я часто заступал вместе с товарищами из СВ: Литейщиком, Марсом, Петькой и Газетчиком. Они мне рассказывали о «Суть времени», мы вели беседы про прошлое и будущее, про смысл происходящего перед нашими глазами.

Как-то Ирис поставил очередную боевую задачу по охране БТР, который прикрывал дорогу Горловка — Пантелеймоновка. Там я познакомился с Резником, мы быстро сдружились. С тех пор частенько садились вечерами и вместе разбирали разное вооружение, которым была оснащена украинская армия. Мы искали, что можно данному вооружению противопоставить.

Когда на Пантелеймоновку приехали на очередную ротацию Рим, Мир, Белка и Щука, я узнал в них родственные души. Замечательным поваром оказался Контрабас, который мог приготовить очень вкусный обед из обыкновенной тушенки. Занятия по политической подготовке проводили Матрос, Марс, Ирис и Вольга.

В ноябре 2014 года, передав наше расположение на Пантелеймоновке «Востоку», мы отправились на базу в Ясиноватой готовиться к заезду в донецкий аэропорт. Шли жесткие тренировки. Накануне боевого выхода состоялся серьезный разговор с Ирисом. Он всем объявил, что мы заходим в аэропорт, и тот, кто не готов к этому, может остаться на базе. Все ребята выразили готовность, кроме одного «мажора», который в скором времени вернулся к себе домой, в Москву.

Я часто вспоминаю бой 17 января 2015 года. Тогда я в группе деблокирования шел на выручку товарищам. Вспоминаю Резника, который под шквальным огнем минометов сумел привезти полный багажник выстрелов к РПГ-7, патронов и ВОГ-25. С этим боевым запасом наши товарищи — трое ценой своей жизни — не пропустили украинских фашистов в Донецк.

— Ирбис, прошло три года с момента твоего прихода в отряд «Суть времени». Как тебя изменило это время и те события, в которых ты принимал участие?

— Сейчас, по прошествии трех лет, я лучше понимаю, что такое товарищи. Я лучше понимаю, что такое предначертанный человеку путь. Те знания, которые ежедневно очень тактично вкладывали в наши головы Ирис, Вольга и Пятница, не раз спасали жизнь мне и моим товарищам по взводу, а в дальнейшем — вверенному мне отделению разминирования в МЧС. Без этих знаний я не смог бы сейчас очищать нашу землю от мин и снарядов противника. Ведь в неделю нашим подразделениям приходится уничтожать около тонны боеприпасов, которые оставила в подарок мирному населению украинская армия.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

БУРЖУЙ

Евгений пришел в отряд «Суть времени» осенью 2014-го, незадолго до захода в аэропорт. Храбрый парень. Ходил в разведку. Вылезал на незащищенную крышу «Трешки» и отрабатывал из пулемета по целям, получил мину в 10 шагах за спиной, падал, вставал и снова работал. Из СВД сбил украинский флаг на новом терминале. Получил заслуженную боевую награду. Поехал домой лечить контузии, но постоянно на связи с нашими ребятами — присылает экипировку, приезжает проведать своих товарищей. Ребята ждут его возвращения.

— Почему ты пошел в ополчение и как оказался в отряде СВ?

— До войны я занимался грузоперевозками. Когда началась война, отслеживал новости и общался с донецкими, помогал вывозить жен и детей. Поняв, что этого мало — продал свой мотоцикл, раздал долги, купил снаряжение и рванул. Добравшись

Буржуй, Повар, Морской

до Донецка, позвонил одному из тех, чью семью вывозил. Он мне предложил место в отряде «Оплот». Они на тот момент охраняли правопорядок внутри города. Я отказался, потому что ехал не охранять рынки и магазины, а останавливать карателей, фашистов, жаждал дать бой злу. Через час мне перезвонили и, задав несколько вопросов («кем служил» и «что могу»), назначили встречу. Утром я был уже в отряде.

— Какое первое впечатление произвел на тебя Донецкий аэропорт?

— Мы тогда приехали в аэропорт ментить ребят из «Спарты» на позиции «Кочегарка». Позиция находилась в 150 метрах до парковки, которую на тот момент держали «киборги». Прочувствовав в первый же день бомбежки и перестрелки на себе, я задал вопрос главному на позиции спартанцу с позывным Ювелир: «Сколько вы здесь в таком насыщенном темпе?». «65 дней», — сказал он и задумчиво замолчал. А я даже сам себя убедить не мог, что такое возможно. Шли дни, было разное, число в 65 дней было преодолено, но тот ужас пережитого дня, умноженный на 65, — не забуду.

За эти три года я миллиард раз убедился, что мы всё делаем и делаем правильно. Правда за нами и мы победим!

РИМ

Владимир до войны жил в Макеевке. Осенью 2014 года пришел вместе с другом в Отдельную тактическую группу «Суть времени» (ОТГ СВ), воевал в одном строю с сутевцами до мая 2015 года.

— Рим, как ты попал на войну, чем занимался до нее?

— Как раз перед войной я отстроил кафе в Макеевке, хотя ресторатор у меня жена, я больше по ремонту, по металлопластиковым окнам. Когда всё началось, я активно участвовал в референдуме здесь, за отделение от бандеровской Украины. А потом рядом с домом начали падать снаряды, а улицы опустели — вообще никого, представляете? Если машина едет, то только военная, и никого вокруг. При этом стоит непрерывный грохот — ни на секунду арта не останавливалась. Вот тогда внутри меня прямо какое-то чувство заговорило: «Что ты тут делаешь, почему ты здесь, а не там, на передке? Немцы идут, они уже рядом, о чем еще можно говорить?» Я закрыл ворота и пошел воевать.

— Не немцы, а украинцы. Ты себя кем чувствуешь, украинцем или русским?

— Да... украинцы шли. Честно сказать, я всегда был русским, даже по-украински почти не говорю. Но я никогда не видел особой разницы, русский или украинец, мы все славяне. Я думаю, большинство украинцев против этого скакания на майдане, против лозунга «Кто не скачет, тот москаль». Я его вообще не понимаю, неужели это зазорно — быть русским? Я служил в армии в разведвойсках на Западной Украине в 1998 году, в Мукачево. Нормальные, отличные были люди, никакой русофобии. Мадяры в основном, не «бандеры». Некоторые ни по-русски, ни по-украински не говорили, пару слов знали, и ничего, дружно служили.

— Есть у тебя понимание, почему бандеровцы сюда шли, что они вообще хотели?

— Я думаю, батальоны, которые сюда шли, шли убивать, грабить, мародерствовать и насилловать, владеть и властвовать. Я уверен, что они шли сюда для этого, и много где им это удалось.

— В отряд СВ ты как пришел?

— Мы с Игорьком (Миром) в 2014 году вместе пошли воевать. Я к товарищу обратился, он у Панциря в танковом батальоне служил. Говорю: «Санек, хотим не на блокпост, хотим экипироваться и вперед, в боевое подразделение». Панцирь нас к Вольге и привел, в Ясиноватую, в отряд «Суть времени».

— А почему позывной «Рим» выбрал?

— Приехали с Игорьком в расположение, заходим к Петьке оформляться. Давай-те, говорит, позывные. Я на Игоря смотрю и говорю: «Дайте ему позывной Дантист». А Игорь про меня: «А ему — Колун». Петька нам эти позывные зарубил: «Дантист — длинно, по радиации неудобно передавать». Тогда Игорь нашелся: «Пусть будет Мир и Рим, а кому какой, сам решай».

— Это напоминает реальную историю, когда у одного бойца спросили, «ка-

кой позывной возьмешь»? А он в ответ: «Любой». Так и стал Любым.

— Ну а дальше КМБ (курс молодого бойца): бегаем, полигон, оружие, как в армии, всё как положено. Зарядка, распорядок дня, полигон, занятия, опять полигон, опять занятия. Часть группы выдвигалась на позиции, в Пантелеймоновку, но и там занимались почти так же. Занятия были постоянно. Вообще, по дисциплине, атмосфере, это лучшее подразделение было.

— А что-нибудь новое узнал для себя, чему-нибудь научился? Или раньше это в армии проходил уже?

— В армии, конечно, что-то проходили. Но пулемет «Утес», например, я раньше никогда не видел. Помню, сидим в кубрике, видео в интернете смотрим, как где-то на Ближнем Востоке «Утес» работает. Говорю: «Вот это аппарат, вот нам бы такой!» Выходим курить, а нам Ирис показывает: вот «Утес». Стоит пулемет на коврик... Я сначала в расчете АГС был, а потом «Утеса».

Когда мы зашли в аэропорт... Это было вообще другой мир. Всё разбито, развалено. Все грязные, страшные. Всё серое. Пер-

вое ощущение человека, который пришел с гражданки и никогда не видел войны, — неопишимо. Жестко было, страшно. Мы всё время были на позиции «Монастырь».

— А бой 17 января...?

— Меня 16 января в девять часов вечера вывезли с позиции, танком «притаранило». Контузия, инородные тела извлекали, осколки, из лица... А 17-го... случилось. Парни погибли. Болгарин, Пятница, Белка... Пятницы улыбку я никогда не забуду. Мне кажется, он всегда улыбался...

Уволился я в мае 2015-го, когда объявили конец войны, перемирие. Ребята из СВ пошли служить в армию дальше, а я отправился в больницу и потом домой.

— Ты был бойцом отряда «СВ», а в целом об организации у тебя сложилось впечатление?

— Я сейчас часто смотрю видеовыступления Сергея Ервандовича Кургиняна, передачи с его участием. Хотя до отряда о нем не знал. Я с ним в Ясиноватой, можно сказать, и познакомился: там слушали его отрядом. Мне сразу идея понравилась — Советский Союз, но новая модель, доработанная, усовершенствованная. Жизнь в СССР, я считаю, была более правильной, справедливой. А в «Суте времени» люди отличные. Очень чувствовалась и помощь, и поддержка. Например, Шибе с Громом, когда всем миром им на протезы собирали. Я с ними близко знаком не был, но так получилось, что мы с Ирбисом как раз их вытягивали и вывозили после произошедшего (Шибя и Гром, бойцы бригады «Восток», в апреле 2015 года попали под обстрел «ПТУРАми», остались без ног). А в отряде всех парней помню, отмечать отдельно никого не буду. Плохих не было. Хочу пожелать всем, чтобы живы остались.

В Югославии война уже 20 лет, я не уверен, что здесь не будет то же самое. Но пройдишь по улицам — большинство и не думает, что где-то война идет. Нам общество менять надо. Глобально.

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

БОЦМАН

Боцман — простой водитель, как он сам о себе говорит. На самом деле, он один из тех «волшебников баранки», которые быстро, качественно и в срок доставляют группы к месту назначения. С ним никто никогда не блуждал, дорога для него — это жизнь. С лета 2015 года — в батальоне «Хан». Постоянно на боевых, постоянно за рулем. Его машина всегда на ходу, вылизана не хуже, чем его оружие. Один из тех, кто тянет ляжку войны, не теряя при этом бодрого расположения духа.

— Кем ты был до войны?

— Я был водителем-дальнобойщиком: ездил на фуре, возил продукты, стройматериалы, трактора по всей Украине, по России. В поездках прошло почти 14 лет моей жизни. С армейским дружкой совместно работали, зарабатывал неплохо. У меня жена, дочка и сын. Дочь недавно родила внучку, так что я теперь дедушка (*смеется*).

— Почему ты пошел в армию?

— В 2014 году, после начала войны, начал возить из России в ДНР продукты, стройматериалы. Летом 2015 года проехал Тельманово. В песочнице на улице Ленина — центральной улице города — играл ребенок. Когда уже выезжал из Тельманово, украинцы начали обстрел города ракетами «Град». Я успел спастись, вовремя уехал. А ребенок тот, малыш четырех лет, погиб, осколок зашел под сердце. Отец принес сына в больницу; всей больницей, реанимацией, пытались его спасти, но не удалось. Об этом я узнал уже по приезду домой из интернет-сводок. Это было последней каплей, больше сидеть дома не смог.

На следующий день приехал в батальон «Хан», к дочке, которая там уже служила. Меня встретил Байкал, командир автовзвода, и Немец, его зам. Они пытались отговорить меня, мол, «надо оно тебе». Это понятно, случайных людей необходимо отсеивать. В общем, не отговорить меня было. Так я стал водителем автомобильного взвода батальона специального назначения.

От водителя на самом деле очень многое зависит. Без транспорта в военном деле никуда, водитель и бойцов отвезет, и боеприпасы, и воду подвезет, и продукты, и еще тысячу мелочей. На привале, ес-

«Урал»

ли попросить, всегда приготовит вкусный обед, поддержит разговор, поднимет шуточной-прибауткой дух у ребят. А в самом жестком бою, под обстрелами, вывезет своих, окажет помощь раненым, доставит в больницу. Мне пришлось возить раненых, выскакивать из-под минометов и «Градов», латать простреленный «Урал». Всего повидал за эти два года.

Как-то боец соседнего подразделения занимался минированием подступов к своим позициям. Что и как с ним случилось, непонятно, но мина взорвалась у него в руках. Повезло парню, взрывная волна пошла в другую сторону, но ударом ему оторвало руку, повредило лицо, глаза. Ребята быстро наложили ему жгут, остановили кровь, вкололи антишок. Я мчал по дороге с бешеной скоростью, моля Бога, чтобы мне никто не попался навстречу, проскакивал повороты, прилетел буквально за 25 минут. Через полчаса после ранения парень уже лежал на операционном столе. В итоге глаза ему спасли, но руку

уже было не спасти. Хорошо, что жив остался. В таких случаях только скорость выручает. А кровь потом вымывал из машины три дня.

— Что тебе запомнилось больше всего?

— Я был закреплен в качестве водителя в группе Двойки, одного из лучших командиров в нашей армии. Его группа выполняла самые важные и тяжелые задачи, а в перерывах между ними постоянно училась, постоянно тренировалась. Ребята в группе понимали друг друга с полуслова, вместе прошли с 2014 года огонь, воду и медные трубы.

Двойка со своими башибузуками ходил в тыл к украинцам, проходил минные поля. Он сорвал противнику несколько операций, навел огонь нашей артиллерию на вражеский арtdивизион Д-30, готовый перемешать позиции нашей пехоты с землей. В тот раз ВСУшники потерпели поражение, в своих фейсбуках они писали, что не хватило им артиллерийской поддержки. В общем, группа прошла самые горячие участки фронта: от Саханки до авдеевской промзоны.

Как-то раз на одном участке фронта группа вела разведку в ближнем тылу. Во время разведки передовой пост обнаружил вражеский «хамви» (американский броневладелец), который несколько раз промчался по дороге то в одном, то в другом направлении. Командир принял решение: организуем засаду. Развернулись, заложили мины, организовали систему огня. А вот и «хамви» мчит. Взрыв! Огонь из всех стволов! Машина подбита и горит, но тут открыли огонь укропы, группе пришлось отойти.

А как-то раз во время выполнения учебно-боевой задачи вечером вышел поговорить с семьей в зону связи. Всё было тихо, спокойно, поговорил, спустился вниз, и тут раздался взрыв. И двух минут не прошло, как на том самом месте, где я только что стоял, разорвалась мина, 120 мм. Несколько бойцов сидели на улице, один только что выкупался, трянуло их изрядно, засыпало пылью. И такое бывает.

— Как ты познакомился с СВ?

— С СВ я познакомился в батальоне «Хан». Первым я познакомился с Контрабасом, он нас инструктировал при заступлении в наряд. Позже узнал Вольгу, Марса, Петьку, Пачи, Газетчика, Хобота и других. Мы периодически выезжали на задачи, много соли съели вместе. Суевцы — хороший, дружный коллектив.

— Что в тебе поменяла война?

— По-другому начал смотреть на жизнь. Злость появилась, ее раньше не было. Внимательнее стал. Дисциплинированнее. Появилось много новых друзей, товарищей по оружию. Много пришлось намотать километров. А сколько раз свой «Урал» ремонтировал и не припомню.

Стал дедом, но посвящать себя полностью семье не планирую. Пока война не закончилась, не могу думать о мирной жизни. Продолжу воевать на своем фронте, благо без нас, водителей, ничего не происходит.

«Девятка»

Двойка

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

РОНИН

Ронин — российский офицер в отставке, в 2015 году приехал защищать Донбасс. Физически очень мощный, хорошо подготовленный воин. Командир роты спецназа. Мудрый наставник и остроумный собеседник. Четко нацелен на выполнение задачи. Ребят из своей роты держит в тонусе, много занимается с ними.

Про СВ я впервые узнал на Донбассе, когда пришел в 1 ОБСпН (Отдельный батальон спецназначения). Через некоторое время услышал, что в батальоне есть какая-то, как мне сказали, криво ухмыляясь, «секта». Какие-то страсти описывали, изливаясь желчью и с такой настойчивостью, что мне стало интересно. Когда определенные личности начинают о ком-то бесосновательно негативно отзываться, я, наоборот, начинаю присматриваться к людям, мне интересно становится.

Первый, про кого я услышал, был Вольга. Потом заметил, что внутри батальона есть сплоченный коллектив, подчиненный определенной дисциплине и, судя по всему, решающий какую-то свою задачу, которая, конечно, вплетается в текущие задачи подразделения, но имеет и некоторые отличия.

Не зная, кто конкретно состоит в организации, для себя я определил круг людей, показавшихся мне наиболее интересными и выделяющимися из общего ряда. Это, конечно, Вольга, Ирис, а также Контрабас, Матрос, Газетчик, Грек, Горняк, Альфонсо. Оказалось, что все они были в отряде СВ в батальоне «Восток».

Вообще строю я не люблю ходить, не люблю, когда мне начинают рассказывать, что надо делать. Если я делаю выбор, я делаю его осознанно, а не по принуждению, не «заодно» с кем-то. Поэтому в партиях не состоял, да и в комсомоле не был.

Но краем глаза начал присматриваться к людям и прислушиваться к темам, которые они обсуждают. Контрабас дал мне почитать книгу «Красная Весна». Прочитал

книгу, но глубоко не вникал. Позже в одном из разговоров с Вольгой я поделился своими идеями и видением, что и как должно быть у нас, в России. И это оказалось созвучно вещам, которым следует СВ и о которых говорит их лидер, С.Е. Кургинян. А когда с Вольгой познакомился ближе, то постепенно-постепенно начал понимать, что путь-то у нас с ребятами — общий.

Благодаря Вольге, мне удалось пообщаться с С.Е. Кургиняном. И должен сказать, что знакомство и короткое общение с ним сильно повлияло на меня. Услышав, что он говорит, как говорит, почувствовав его энергетику... Знаете, я уже немолодой человек, вытаращив глаза, никуда не бегу, но разговор с таким человеком дал окончательный толчок к сближению с СВ. Начал серьезно интересоваться организацией, ее идеями и деятельностью. В основном общался, конечно, с Вольгой, Контрабасом (когда совпадали с ним дежурства, помногу разговаривали).

Да и вообще, все ребята, которые тут в Донецке представляют СВ, мне нравятся. Памир, Хобот — не только те, кто в батальоне служат, с кем я регулярно сталкиваюсь, но и те, кто работает на гражданке. Честно говоря, такую концентрацию достойных людей с осмысленными взглядами я давно не встречал. Нет, в обществе есть, конечно, подобные люди, но они очень размыты в нем. А тут — концентрат: все ребята нравятся, никто не настораживает. Находясь среди них, можно не переживать, что ты будешь неправильно понят, наоборот, всё созвучно, и думаем мы все «в одну сторону». Возможно, у нас разные взгляды на тактику, но стратегия у нас общая. Я, конечно, не всех знаю, но, те, с кем служу и с кем сталкивался вне службы, — все молодцы. Видно, что это коллектив единомышленников, что понимают и делают. А это очень важно сейчас. У нас болтунов всё больше, а тех, кто что-то делает — очень мало.

И, конечно, ребятам повезло с командиром. Харизматичный, уверенный Вольга, не сомневающийся, знающий, что и как делать, куда двигаться... Я думаю, что если у начинания такой старт и такие люди, как С.Е. и Вольга, стоят у его истоков, то во многом программируется, так ска-

зать, «живучесть» и широта этого проекта. И я просто уверен, что члены «Суть времени» в Донбассе эмоционально и мотивационно очень заряжены потому, что тут еще и война идет, и они собрались не просто на какую-то политическую или другую деятельность, воплощать свои мысли и идеи, а еще и Родину защищать.

В боевом отношении, на основании того, с кем из ребят я ходил на задачи и что знаю об их выходах, ни к кому из них у меня никаких вопросов нет. А главное, они все-таки отличаются от остальных тем, что у них самодисциплина гораздо выше потому, что они чувствуют себя частью большого коллектива, выполняющего более широкую задачу. Поэтому высокий уровень ответственности. Ведь все ребята — изначально гражданские, разве что Марс имел небольшой опыт службы, но какой у всех подход! Контрабас, например — химик, а поставили задачу овладеть артиллерией — овладел специальностью на таком уровне, что сейчас сам учит других стрельбе. Кто знает, что такое артиллерийская стрельба, тот понимает, о чем я говорю. Проще говоря, с любым из сутевцев я бы спокойно пошел выполнять задачу. И ходил. И никогда не переживал, что будет какой-то сбой, косяк или залет. Или вот личностный момент: когда мне в роте хочется кому-то морду расквасить со страшной силой или что еще похуже, я просто иду в штаб к ребятам, чтоб побыть в нормальной атмосфере, поговорить, посмеяться. 5–7 минут — и я дальше могу идти обратно и продолжать спокойно работать с личным составом.

Многие из ребят-добровольцев приехали сюда из других городов. По моим ощущениям, процентов 90 уже вернулись обратно. Оно и понятно, война такая — «ни два ни полтора», «шаг вперед и два назад», а это психологически сильно изматывает. А сутевцы держатся, потому что у них есть цель, и цель эта масштабная. И то, что поразило меня, я удивлен был и считаю, что очень мощное их достижение — это внутренняя дисциплина. Никто не ищет возможности ускользнуть от работы, нет места бунтам или неповиновению — есть военная дисциплина в во-

енной обстановке. Если такое сохранится, у организации очень большие перспективы. Гражданским людям непонятно, они смеются: мол, тупые вояки, а я сам по себе, я личность, послушайте меня и т.п. Это такой вот иезуитский способ сделать послушным стадо из отдельных личностей, как бы учитывая интересы каждого, а на самом деле не учитывая ничего. А когда есть дисциплина и когда ты свои интересы ставишь ниже общественных, то сомнений нет, и человеку морально легче.

Это есть у ячеек. Любой спаянный, монолитный коллектив может многое. И надо по-военному относиться к делу. Потому что на войне человеческие отношения достигают пика, тут всё оголяется, и третьего или серого не бывает: либо да, либо нет, либо ты, либо тебя. И сыгранная команда всегда победит. Порядок бьет класс.

На меня произвел сильное впечатление документальный фильм о бое 17 января 2015 года в донецком аэропорту, оборона Монастыря ребятами. Всё очень серьезно там было, и жалко парней погибших. Военный человек понимает, что значит гражданскому взять в руки оружие и в считанные дни или недели перековать себя и стать военным человеком, идти в бой и не просто идти, а еще и за собой вести других. Я вот на Контрабаса смотрю, вообще поражаясь — абсолютно гражданский человек, со стороны посмотреть — увальень какой-то, а зная, кто он и какой специалист, — просто нет слов. И я думаю, что организация СВ не может быть слабой, когда в ней есть такие люди.

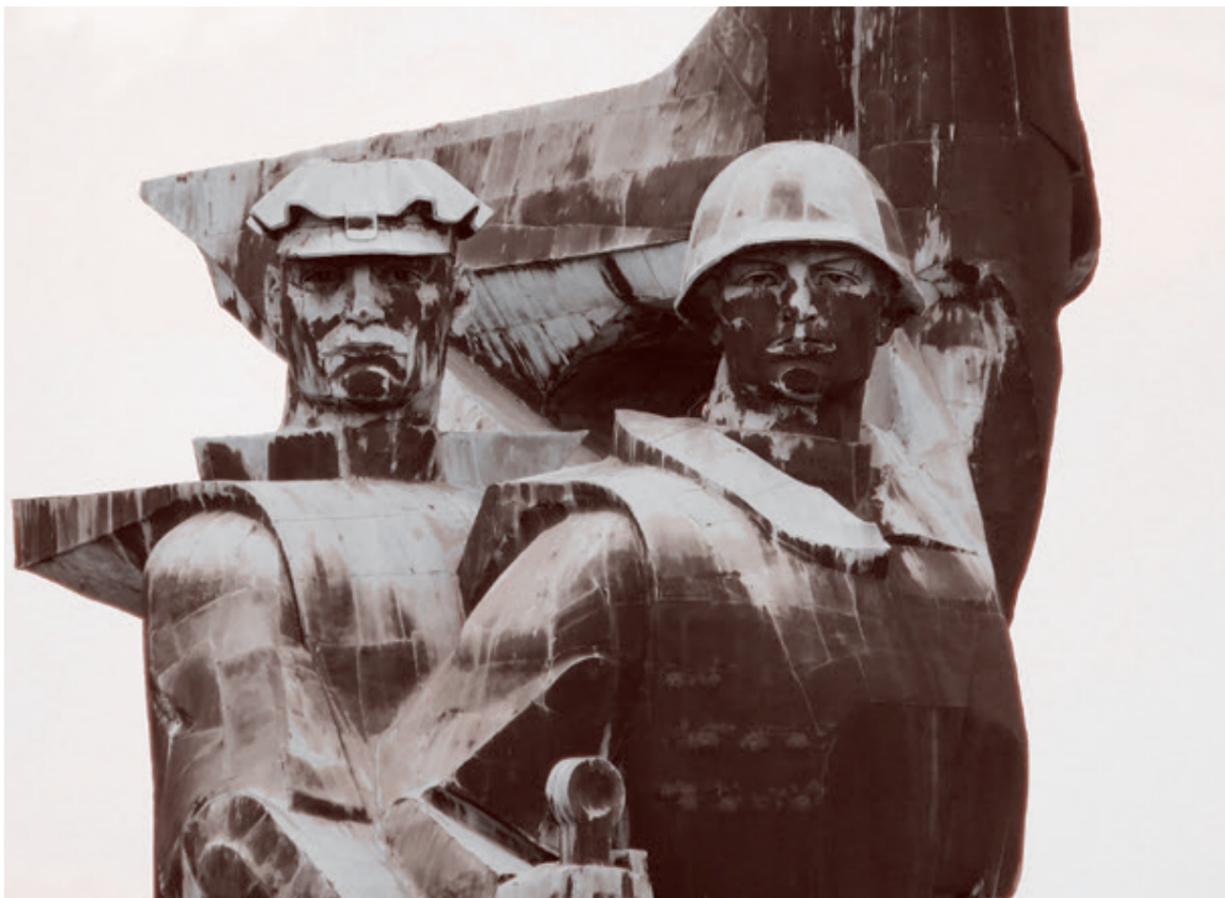
И я считаю, что в каждом регионе России такие структуры должны быть, надо их делать. Судьба нас не случайно тут всех свела и я, думая и наблюдая, как это всё воплощается в жизнь, считаю, что что-то подобное нужно делать и у себя на родине. Не все настолько оболванены за прошедшие 20 лет, есть и поколение, воспитанное не на рекламе и прочей чуши.

Так что я очень рад, что встретился с СВ.

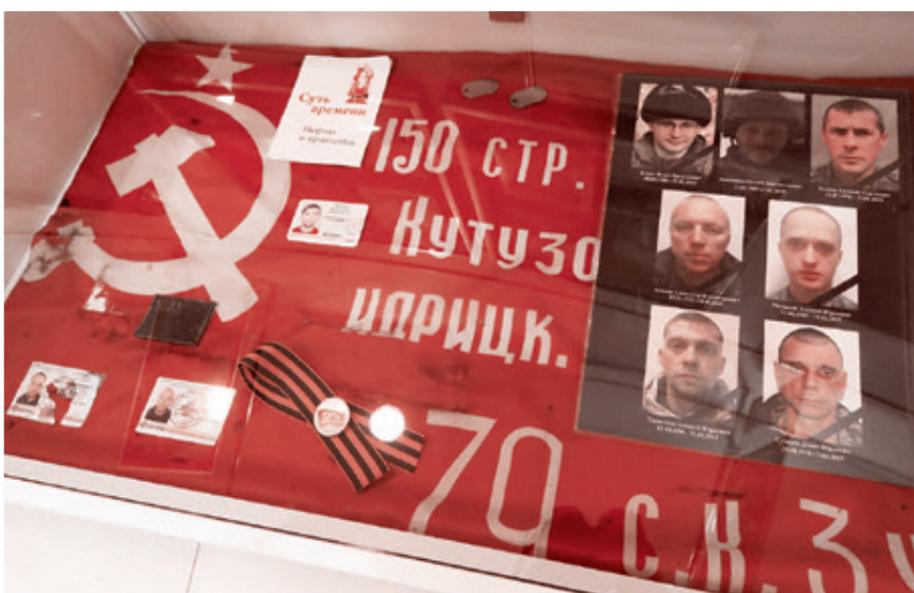
День спецназа в батальоне «Хан»

МИССИИ «СУТИ ВРЕМЕНИ» В ДОНЕЦКЕ — 3 ГОДА!

Музей Великой Отечественной войны в Донецке

Внутри музея Великой Отечественной войны в Донецке

Подарок школьников для СВ-ДНР. Май 2016 г.

Письма школьников к СВ-ДНР

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С. Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургинян
Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФОР» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 3035
№ 237-238 (237-238) от 26.07.2017
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8000, цена свободная

ISSN 2500-0330
1 7 1 4 7
9 772500 033000